

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

ПРАВДА
СВОБОДА
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

СПИСОК

ОБРЕЧЁННЫХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

1

Список обреченных

Олег Волховский

Список обреченных - 1

«Автор»

2026

Волховский О.

Список обреченных - 1 / О. Волховский — «Автор»,
2026 — (Список обреченных)

Недалёкое будущее. Страна-изгой тонет в коррупции и диктатуре, и Андрей Альбицкий теряет всё: семью, друзей, бизнес, родину. Но его воля к жизни и свободе остаётся несокрушимой! В мире, где глобальная слежка душит любое сопротивление, он возглавляет таинственную гильдию убийц, от которой нет спасения. "Список обречённых - 1" — это взрывной коктейль из киберпанка, политического триллера и боевой фантастики. Жестокость, интриги и борьба за свободу в антиутопии, где каждый шаг может стать последним. Сможет ли Андрей переиграть систему, или его имя уже в списке обречённых? Погрузитесь в мрачный мир, где правда дороже жизни!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Волховский

Список обреченных - 1

Пролог

Не заперто, дверь легко подалась.
– Илья! – позвал я.
Никто не ответил.
Я вошел и открыл дверь в его кабинет.
Илья лежал на полу около компьютерного стола. Темные волосы в запекшейся крови. На паркете рядом с ним бурые пятна.
Ком подступил к горлу, я закусил губу.
Мы были знакомы пятнадцать лет. Вместе учились, вместе вели дела. И мой бизнес без него не стоил ломаного гроша.
Я осторожно перевернул тело.
В виске отверстие от пули, и кожа холодна, как лед. Кровь не течет, и труп заоченел. За полчаса? Я не врач, но...
Смска пришла полчаса назад:
«Приезжай немедленно!», – написал он.
Я вскочил на ноги.
Он хранил флешки в полиэтиленовом пакете размером с ежедневник. На столе их нет. Я наскоро открыл ящики стола один за другим. Пусто!
Может быть, он успел скинуть инфу в облако.
Может быть...
Из шахты донесся звук тронувшегося лифта. Заскрипели тросы.
Выход на балкон здесь прямо из кабинета. Я метнулся туда, на ходу выключая телефон. Выхватил пистолет.
Уж этот балкон я знаю! Еще студентами собирались у Ильи.
Здесь есть пожарная лестница на крышу. Главное, чтобы там не было засады.
Я выбрался наверх и тут же помчался вправо, вдоль хлипкой металлической ограды по краю.
– Стоять! – хрипло проорали сзади.
Как бы не так! Я эту крышу знаю, как свои пять пальцев. Двухскатная, скользкая, в духе старой Москвы. Еще студентами выбирались сюда с гитарой петь песни.
Бросился дальше, уходя с линии огня.
Раздался выстрел, пуля просвистела в полуметре.
Выстрелил в ответ.
Упал, откатился прочь под защиту надстройки с выходом на чердак. Старая деревянная дверь. Решетки нет. И это значит, что мне повезло.
Я вскочил на ноги и дернул за ручку: заперто.
Разрядил две трети обоймы, обстреляв вокруг замка.
Дернул снова. Дверь подалась, и замок вылетел.
Открыл и нырнул вниз.

Глава 1

Таинственный визитер поднялся навстречу хозяину.

Высок, волосы каштановые, слегка волнистые, глаза карие, но с открытым европейским разрезом. Черты лица правильные и тонкие: прямой нос с небольшой горбинкой, брови вразлет. Держится вполне уверенно, волнение выдает только бледность и рука при рукопожатии чуть холоднее, чем это можно ожидать в залитом солнцем холле теплым майским утром.

– Андрей Альбицкий, – говорит он.

Имя Олегу незнакомо.

Андрей пришел без приглашения, говорить по телефону охраны отказался. Очевидно, чтобы не распознали голос. Одет слишком скромно для человека, который готов выбросить пять тысяч за час разговора с психологом: джинсы, рубашка, легкий летний пиджак поверх рубашки. Последний кажется лишней деталью в такую погоду. Все из магазинов средней паршивости. Да, знает ли он расценки?

Надеется, что обойдется консультацией, решил Олег. Как бы ни так! Это далеко не последние пять тысяч, которые придется выложить господину Альбицкому.

– Рад познакомиться, Андрей. Можно по имени?

– Да, конечно.

– Извините за ожидание. Если вдруг появится «окно», я вас тут же приму.

– Олег Николаевич, я очень извиняюсь, но дело действительно не терпит отлагательств. Если у вас есть сегодня консультации, которые вы можете отменить, я их вам оплачу.

– Ближайшие уже нет. Если очень кратко, что вы натворили?

– Если очень кратко, меня собираются обвинить в убийстве, которого я не совершал. Если максимально честно, это не все. Но остальное строго конфиденциально и наедине.

– У меня все конфиденциально... нам ждать полицию?

– Скорее всего, не полицию. И лучше не ждать. Скорее всего, мне придется зависнуть у вас на несколько дней. И не здесь. Мне говорили, что у вас есть частная клиника в Лесном.

– Частная клиника – это сильно сказано. Четыре койки.

– Есть свободные?

– Да.

– Претендую.

– Это недешево.

– Я знаю. Мне вас рекомендовали как человека с большим опытом работы со, скажем так, тяжелыми кейсами. И при этом предельно честного и отличного специалиста. Боюсь, что это единственное предложение на рынке. Так что не тешу себя иллюзиями относительно цены. Это не совсем мои деньги.

– Банк ограбили?

– Ну, как вы могли подумать!

– Имеется в виду мой опыт работы в Лесногородском Центре?

– Да.

– Кейс тяжелый?

– Да, очень.

– В два у меня обед. Раньше никак. Леша, отмени послеобеденные консультации.

– Да, Олег Николаевич.

– Андрей, я перекусываю здесь же для экономии времени. Вы тоже себе что-нибудь закажите по интернету. Наличные у вас есть? Вы там оставите адрес, так что лучше не расплачиваться картой.

– Есть.

– О-кей. Тогда до обеда.

– Олег Николаевич, еще одна просьба. У вас камеры видеонаблюдения. Можно меня оттуда стереть?

– Да, Леша займись.

– Спасибо огромное.

На десять было назначено даме средних лет, после нее – жаждущему успеха предпринимателю. Последний опоздал, простояв в пробке, зато дама оказалась исключительно разговорчивой, так что даже минимального «окна» не случилось. Олег Николаевич тоскливо подумал о замаячившей перед ним перспективе остаться без обеда, ибо негоже отнимать десять оплаченных минут у бизнесмена, который платит по десять тысяч в час за дизайн личности. А у Андрея явно ни одной лишней минуты. Из офиса надо уезжать.

Но предприниматель заторопился на деловую встречу, и ровно в два Олег был временно свободен.

Это были типичные клиенты. Самые типичные! И тем скучны.

А Андрей Альбицкий был нетипичен.

Олег Николаевич пятнадцать лет проработал психологом в государственном Психологическом Центре (том самом Лесногородском!), прежде, чем уйти на вольные хлеба, и этот опыт оказался очень ценен именно для таких клиентов, как Андрей. Посетители с криминальными проблемами появлялись регулярно.

Но Альбицкий был не похож и на них.

Ребята, которых надо было укрывать от полиции были в основном двух типов.

Во-первых, мальчики-мажоры из хороших семей, не вовремя, по легкомыслию, из удализма или после бурной вечеринки выключившие автопилот на своем автомобиле. С очевидными последствиями. Иногда роковыми.

Во-вторых, проворовавшиеся господа, понявшие, что их поймали или вот-вот поймут.

Андрей не был похож ни на мальчика-мажора (слишком скромн), ни на проворовавшегося «белого воротничка» (слишком молод).

Проблемы с алкоголем тоже вряд ли. Олег решил, что Альбицкий либо совсем не пьет, либо пьет очень мало. Слишком очевидна внутренняя сила, собранность и сосредоточенность, как у монаха из средневекового воинствующего ордена. Такие люди не совершают преступлений по неосторожности. А земные блага, а, следовательно, и деньги, для них малоинтересны.

У Олега засосало под ложечкой. Сегодняшняя встреча обещала стать незаурядной. Но опасной.

Он вышел в холл и опустился на кожаный диван рядом с потенциальным клиентом. Тот отложил планшет, который держал в руках.

– Через мой вай-фай выходите? – спросил Олег.

– Да, Леша дал пароль.

– О-кей, мобильной связью постарайтесь не пользоваться, в том числе мессенджерами.

Насчет идентификации по голосу я понял. И планшет лучше выключите.

– Я вынул симку, – улыбнулся гость.

– Да?

– Конечно, Олег Николаевич. Два дня назад.

– Ладно, не учу ученого. Ничего не заказали?

– Боялся потерять время. Олег Николаевич, я очень извиняюсь, но не могли бы мы поехать прямо сейчас?

Олег вздохнул.

– Да, хорошо.

– И не на вашей машине. Мне говорили, что у вас есть такая возможность.

– У вас осведомленные собеседники. Да, есть. Пойдемте. Леша, помоги!

Они встали, Леша поднялся за ними.

Олег открыл дверь в кабинет.

Прошли мимо кресла, похожего на зубо врачебное, к застекленному шкафу с медикаментами у дальней стены. Олег и Леша совместными усилиями аккуратно отодвинули шкаф. За ним была такая же белая больничная стена, а в ней ничем ни примечательная металлическая дверь и сканер рядом с ней. Олег коснулся сканера большим пальцем. Щелкнул замок. И Леша открыл дверь.

– Мне остаться, Олег Николаевич? – спросил он.

– Да, отвечай на звонки. Мне пришлешь отчет.

И Олег выключил телефон.

– Лучше не выключать, – сказал Андрей. – Вам лучше поменяться телефонами.

– Он прав, – сказал Леша. – Возьмите.

И они обменялись трубками.

За дверью оказалась очень крутая винтовая лестница в узком «стакане» без окон: кованые перила, высокие каменные ступени.

Полукруглые светильники включались впереди, пока они спускались вниз, и выключались за ними.

Через четыре поворота лестница упиралась в еще одну металлическую дверь.

– Минус первый этаж? – спросил Андрей.

– Да, пока минус первый.

Очередная дверь открылась по сигналу со сканера большого пальца.

За ней, вдоль низкого потолка, тянулись плоские желтоватые лампы, слабо освещая крашенные светло-коричневые стены и серый каменный пол.

Коридор медленно шел под уклон, шаги гулко раздавались в пустоте.

Идти пришлось недолго. Дверь в конце коридора открылась на парковку. Но совсем маленькую, на пять автомобилей.

Зато каких!

Три места из пяти были заняты синим спортивным чудом от БМВ, малиновым Мазерати и серебристым «Тесла Тахион».

Олег вынул ключ, нажал на кнопку, и «Тахион» пикнул и мигнул фарами. Шнур зарядки сам отключился от стойки и скрылся под крышкой батареи.

– Это не рай в загробном мире для автомобилистов? – спросил Андрей.

– Что-то вроде.

– Хотя, честно говоря, не понимаю, зачем нужна машина, которая разгоняется до семисот километров в час, когда максимальное ограничение на трассах: сто пятьдесят.

– Я тоже не понимаю. Машина одного моего бывшего пациента. Дает ее мне для особых случаев и в рамках самовоспитания, чтобы не привязываться к вещам. Говорит, тебе иногда надо, а «Тахион» не остановят.

– Хорошие у вас пациенты.

– Надеюсь, что это я хороший психолог. Когда Роберт у меня лечился, у него не было ни гроша, и все счета арестованы.

Андрей слегка побледнел и отвел глаза.

– Та-ак, – протянул Олег. – У вас арестованы счета.

– Да, счета арестованы, но пустые. Я все успел вывести за час до наложения ареста. И это не все счета. Я смогу расплатиться.

– Не в том дело. Просто оцениваю степень серьезности ситуации.

– Серьезнее некуда.

Олег коснулся на ключе очередной кнопки, и двери машины открылись и поднялись в стороны и вверх.

– На заднее сиденье, – сказал Олег. – Там одно место, зато перед ним можно в критической ситуации упасть на пол в позе зародыша. Кстати! Прежде, чем вы сядете, у меня к вам одна просьба.

– Да?

– Пистолет отдайте.

– Как вы поняли?

– Наблюдательность плюс большой опыт работы. В пиджаке жарко, но вы не снимаете его ни при каких обстоятельствах. Вас обвиняют или собираются обвинить в убийстве, и это не все. Вы скрываетесь минимум двое суток и ищите убежище у незнакомого человека. У вас ужасно тяжелый кейс, вы пытаетесь покинуть Москву как можно быстрее, и, наконец, у вас арестованы счета.

Андрей вздохнул.

– А если нас остановят?

– Если нас остановят, пистолет вам точно не понадобится.

Альбицкий нехотя вынул ствол из-за пояса под неуместным пиджаком и подал Олегу рукоятку вперед.

– Осторожно, заряжен.

– Разберусь, – сказал Олег и вынул магазин. – Это все?

Андрей медленно кивнул и сел на заднее сиденье.

Олег бросил пистолет вместе с магазином в бардачок. Бесшумно опустились двери, включился климат-контроль.

Поиск конечного пункта в меню автопилота занял пару секунд: машина знала дорогу.

Взвыл двигатель, ворота гаража поползли вверх.

– Пойдем на автопилоте? – спросил Альбицкий.

– Машина, которую ведет человек, сразу выделяется.

– Она и так выделяется.

– По-другому.

«Тахион» несся по подземным коллатералям под Садовым, к Кутузовскому.

– Андрей... извините, как по отчеству?

– Аркадьевич, но это не обязательно.

– Андрей Аркадьевич, вам нужно только убежище? Или мои услуги психолога тоже пригодятся?

– Пригодятся, конечно. Я хочу снять карту.

– Вы меня радуете. Тогда надо подписать согласие на психологическое обследование.

– Я бы не хотел ничего подписывать.

– Я понимаю, но без вашего согласия мои действия будут незаконны.

– Я точно не буду предъявлять претензий.

– Хорошо, вы не будете. Но карту снимают с какой-то целью. Что вы хотите с ней сделать?

– Я бы хотел иметь ее в своем распоряжении. Это первое. И я бы хотел прочитать психологическое заключение и выслушать ваши рекомендации.

– Только выслушать? Не исполнить?

– Зависит от рекомендаций.

– Андрей, если карта чистая, и вас обвиняют в убийстве, которое вы не совершали, надо все делать по закону: подписать согласие, а потом зарегистрировать карту в психологическом центре, я с этим могу помочь. Тогда это будет ваше железное оправдание, особенно, если вы боитесь фальсификации доказательств.

Альбицкий молчал.

Олег обернулся к нему.

– Андрей, карта чистая?

– Нет.

– Понятно. Тогда есть несколько вариантов. Первый и самый лучший. Мы снимаем карту, я пишу заключение и план коррекции. Вы подписываете согласие на коррекцию, остаетесь у меня в клинике, мы делаем коррекцию, а потом вы сдаетесь властям. Если все не совсем уж ужасно, это, скорее всего, освободит вас от реального наказания. Условка может быть. Ну, по гражданским искам надо будет расплатиться. Насколько все ужасно?

– С точки зрения властей, боюсь, что хуже некуда, – улыбнулся Альбицкий. – С моей: все иначе.

– Вы так улыбаетесь, что я не могу поверить в то, что вы говорите.

– Я не знаю, как вы все это оцените. Надеюсь, что поймете, хотя, наверное, осудите.

– Если я осужу, точно нужна коррекция. Так. Вариант «все ужасно». В этом случае и наказание будет, к сожалению. Но пройденный курс коррекции – это мощное смягчающее обстоятельство. Приговорят, но не по максимуму точно. Андрей, вы в принципе собираетесь сдаваться властям?

– Не властям России.

– Понятно. Но и в этом случае лучше все делать официально. Они будут переснимать, скорее всего. А может быть и не будут, когда узнают, кто психолог. У меня есть некоторая международная известность в узком кругу специалистов. Давайте так: вы все-таки подпишите согласие, а потом, если вы так решите, оно останется только у вас, я его сотру со всех моих носителей.

– Хорошо, давайте так.

Олег загрузил нужный файл, передал телефон назад.

– Трубка корпоративная, так что здесь есть все, что нам надо, хотя оформлена на Лешу. Прочитайте текст и подписывайте. Большой палец правой руки к красному квадрату в правом нижнем углу.

– Да я в общем читал в интернете. Они же стандартные?

– Да, конечно.

– Местами довольно страшно звучит: «я осознанию, что в ходе обследования могут быть применены препараты особой опасности из списка номер один».

– Не «могут быть применены», а будут применены, – прокомментировал Олег.

– «Я осознаю и соглашаюсь с тем, что карта нейронов моего мозга будет снята, сохранена и исследована». «Я понимаю и соглашаюсь с тем, что известная мне конфиденциальная информация может стать известной психологу, проводящему обследование, а также всем лицам, которые могут получить доступ к нейронной карте».

– Не «может стать известной», а станет известной, – заметил Олег. – И не «могут получить», а получат.

На заднем сиденье молчали.

– Все-таки я поражаюсь тому, как люди, натворив дел, пугаются всякой ерунды, – заметил Олег. – В конце концов, результат можно сохранить только в облаке и молчать о том, что мы снимали карту. И никто до нее не доберется.

– Я подписал, берите!

И смарт переключал вперед.

Машина свернула на Кутузовский, точнее на очередную коллатераль под ним. Хотелось вынырнуть наверх, к солнцу, под весеннее небо. Но бортовой компьютер докладывал, что Можайка стоит, и эстакада над ней тоже.

– Андрей, я, конечно, все увижу на карте, – сказал Олег. – Но хочется знать, чего ждать. По поводу того, что вы невиновны в убийстве вашего друга, мне понятно. Но под характеристику «все ужасно» это не подпадает.

Андрей молчал.

- Я сейчас начну задавать неприятные вопросы, – раздраженно произнес Олег.
- Ок.
- Сколько человек вы убили?

Глава 2

Альбицкий хмыкнул.

– Лично я ни одного.

– «Лично я» – роскошная оговорка.

– Олег Николаевич, ну, давайте, я не буду сразу все выкладывать. До Лесного городка, ладно?

– Хорошо. Пусть не все сразу. Вы собирались отстреливаться при задержании?

– Да.

Олег вздохнул.

– Не знаю, насколько это оправдание, но я практически уверен, что меня постараются пристрелить, если найдут, – сказал Андрей.

Машина вынырнула на поверхность в районе Переделкино, и Олег в последний момент успел заметить впереди полицейский кордон. Останавливали выборочно, но густо. Рядом с кордоном уже стояли две желтые машины такси, одна серая каршеринговая и ничем не примечательная легковушка.

– Андрей на пол! – коротко скомандовал Олег.

«Тахион» величаво, как корабль, шел на автопилоте по скоростной полосе. Значит, и полиции послушается на автопилоте. Рука Олега была дернулась, чтобы переключиться в ручной режим, но он сдержал порыв. Так можно только выдать себя.

– Интересно, почему они стоят здесь? – спросил он, когда они миновали кордон.

– Транспортная развязка. Видимо, кордоны на всех значимых выездах из города.

– Или вдоль всего пути до моего загородного дома. Какова вероятность, что это по вашу душу?

– Не нулевая, прямо скажем.

– А что вас выследили?

– Я был предельно осторожен. Насколько я понимаю, в Благовещенском мало камер.

– Мало с функцией распознавания лиц. Богатые люди не очень любят публичность. Много частных. Но с них надо еще получить записи. Если только где-то у метро засветились.

– Надеюсь, что нет.

– Понимаете, мой дом плох только одним: нас там могут уже ждать. А проверить это мы не можем. Все-таки в наш век тотальной прозрачности скрываться от властей – совершенно тухлое дело.

– Мне нужно продержаться только до вашего защитного пакета документов.

– Все-таки решились идти до конца?

– Пока думаю.

– На пол! – скомандовал Олег.

У поворота на Внуково стоял очередной кордон. Набор остановленных машин был примерно тот же: такси, каршеринг и недорогие легковушки. Роскошное серебристое чудо за три миллиона евро никого не заинтересовало. То есть его, конечно, проводили восторженными взглядами, но остановить не подумали.

– Еще один кордон на пути к моему дому, – заметил Олег.

– Еще одна транспортная развязка, – ответил Андрей, возвращаясь на сиденье.

– Вы, как я посмотрю, оптимист.

– Стараюсь им быть. С переменным успехом.

Больше кордонов не попадалось до самого Лесного городка. За ним свернули направо к Психологическому Центру. Погода испортилась, небо потемнело, собрались тучи, зато стало прохладнее.

Олег снялся с автопилота. Конечный пункт их пути слегка отличался от забитого в программу.

Слева проплыли туи у входа в ПсиЦентр. Справа – дома сотрудников. Впереди показался лес.

– У леса большая парковка, – сказал Олег. – Насколько я знаю, в дальней ее части камер нет, правда, парковаться приходится на траве. Вы там останетесь в машине, а я схожу домой.

– Хорошо, – кивнул Андрей.

– Ключи я оставляю, мало ли что, – сказал Олег, заглушая мотор. – Ждите.

Олег вернулся примерно через полчаса.

– Все чисто, – сказал он. – Никаких нежеланных визитеров не было.

Они сели в машину, и через пять минут «Тахион» уже вполз в гараж под домом Олега и встал рядом с Фольксвагеном его жены.

Поднялись на первый этаж.

В холле их встретили Дима – ассистент психолога, долговязый улыбчивый парень, и жена Олега Марина, миловидная блондинка лет сорока.

– Это Андрей Альбицкий, – сказал Олег. – Тот самый. Я говорил.

Дима кивнул.

– Все уже готово.

– Может быть чаю? – спросил Олег. – Или не будем терять времени?

– Не будем терять времени, – сказал Альбицкий. – Если можно...

– Можно, – вздохнул Олег. – У нас потом будет время на обед.

Они вошли в комнату с окном, прикрытым светлыми жалюзи, и похожим на зубоучебное, креслом. У окна стоял низкий столик на колесиках с двухэтажной стеклянной столешницей. Чуть левее, прямо напротив кресла – еще один стол побольше. На нем – компьютер с большим монитором, рядом компьютерное кресло. Часы на мониторе занимали пол экрана и показывали 15:15. У дальней стены – шкаф с медикаментами. Андрей покосился на потолок с прямоугольником биопрограммера с бестеневыми лампами по периметру.

– Садитесь, – сказал ему Олег и указал взглядом на кресло. – Пиджак снимите. Марина, водички принеси.

Надел светло-зеленый халат медика, взял резиновые перчатки.

Его помощник уже был одет по больничному.

Олег вынул из шкафа упаковку лекарства, белую с широкой красной полосой, положил на столик рядом с креслом.

Дмитрий приготовил ампулу с прозрачной жидкостью и шприц.

Полупрозрачный стакан на столике возле кресла был наполнен водой из пластиковой бутылки, Андрей скинул пиджак и повесил на стойку для одежды, оставшись в синей рубашке с длинными рукавами.

– Рукава закатайте, – сказал Олег, – будем моды вводить в вену.

Андрей помедлил, но подчинился.

Под рубашкой, на левой руке оказался кожаный футляр для ножа. Нож присутствовал.

– Так, господин Альбицкий, – вздохнул Олег, – все металлические предметы на стол у окна: финки, ножи, заточки, звездочки самурая, огнестрельное и газовое оружие, кольца, часы, браслеты, золотые цепи, нательный крест, если есть. Пытались что-нибудь готовить в фольге в микроволновке? Там пролетают такие красивые молнии. Вот здесь тоже самое будет от излучения биопрограммера.

Честно говоря, здесь Олег несколько преувеличивал.

– По крайней мере, будут помехи при трансляции карты с модов на биопрограммер, – заметила Марина, – а, возможно, и нечитаемые участки. Причем, где появятся, предсказать невозможно.

Андрей кивнул. Подошел к окну и сложил на стол нож вместе с футляром. Колец и браслетов у него не оказалось, креста тоже, а часы были пластиковые.

– Смарт? – спросил Олег, указав глазами на часы. – Снимайте.

Альбицкий подчинился.

– Все? – спросил Олег. – Точно?

– Да, – кивнул Андрей и направился к креслу.

Сел.

– Что теперь?

– На столике рядом с вами лекарство. Две таблетки.

– Можно мне описание прочитать.

– Конечно, читайте. Препарат для диагностики «Кондактин-С». Довольно сильный из первого списка. Мы сейчас вам будем вводить моды, которые проникнут в мозг и будут передавать на биопрограммер информацию о вашей нейронной сети. Так вот для того, чтобы они туда проникли, нужен кондактин. Дело в том, что у нас есть гемато-энцефалический барьер, который не дает пройти в мозг всякой гадости. К сожалению, организм не понимает, что моды – совсем не гадость, а очень даже нужная и полезная штука для снятия нейронной карты. Ощущения от препарата, к сожалению, не очень приятные, но без него никак.

– Да, премного наслышан. А моды? Где они?

– Ампула на столике, – Олег указал на нее глазами. – Читайте, только осторожно. Не разбейте.

– Моды диагностические М-сто, – прочитал Андрей. – Показания к применению: снятие карты нейронной сети. Время жизни: 48 часов.

– Это время жизни модов, – пояснил Олег. – Потом они гибнут и постепенно выводятся из организма. Кроме диагностических, есть еще коррекционные моды. Они живут значительно дольше и умеют не только читать, но и писать и стирать. Пока они нам не нужны, но у меня сильные подозрения, что понадобятся. Кстати, если Вы решаетесь на коррекцию, лучше сразу ввести коррекционные моды. Карту они тоже умеют снимать, а неприятная процедура будет одна, а не две. Что Вы об этом думаете?

– То есть, чтобы корректировать память нужны коррекционные моды?

– Вы хотите редактировать память?

– Да, стереть кое-что.

– Понятно. Это незаконно, и я этого делать не буду.

– Ладно, тогда диагностические.

Альбицкий вынул из упаковки две красные полупрозрачные, продолговатые таблетки. Проглотил и запил водой.

– Теперь ложитесь, – сказал Олег. – Препарат начнет действовать, тогда мы введем моды.

Альбицкий подчинился.

– Андрей, руку на подлокотник, – скомандовал Олег Николаевич. – Марина, свет!

На потолке вспыхнули бестеневые лампы.

– Как себя чувствуете? – спросил Олег.

– Как у зубного врача.

– Руку ладонью вверх. Ну, вены хорошие. Приятно видеть человека, который никогда не встраивал в свой нейромедиаторный обмен всякую гадость.

Олег вытянул из-под подлокотника широкий репсовый ремень и застегнул его на запястье у пациента.

– Зачем? – спросил Андрей.

– Все хорошо, – сказала Марина. – Под воздействием кондактина человек может вести себя неадекватно. Тогда трудно попасть в вену.

Такой же репсовый ремень Олег закрепил на плече Андрея, выше локтя. Слегка затянул.

– Не больно?

– Немного.

– Потерпите, самое неприятное состояние длится максимум четверть часа.

– Очень жарко, – сказал Андрей, – можно окно открыть.

– Угу, – сказал Олег, – и туже затянул репс на запястье пациента.

Альбицкий задышал чаще, на лбу его выступил пот.

– Пора, по-моему, – сказала Марина.

– Еще минутку, – возразил Олег Николаевич.

– Окно, пожалуйста, – взмолился Андрей, пытаясь свободной левой рукой расстегнуть пуговицы на рубашке. Рука предательски дрожала.

– Осталось чуть-чуть, – сказал Дмитрий. – Введем моды – все откроем.

– Дима, шприц.

Ассистент вынул иглу из пластиковой упаковки, присоединил к шприцу. Ампула глухо сломалась в его руках, поршень пополз вниз от деления к делению, жидкость заполнила цилиндр.

Марина дезинфицировала будущее место укола. Олег надел медицинские перчатки и взял шприц, поданный ассистентом.

Андрей заметался по изголовью, на рубашке под мышками выступили крупные пятна пота.

Олег Николаевич ввел иглу и нажал на поршень шприца.

– Дима, включай.

Одновременно матово-синим засветился биопрограммер на потолке и экран компьютера. Там на таком же синем фоне возникли белые цифры секундомера.

Наконец, Олег вынул опустевший шприц и приложил кусочек ваты к месту укола. Ослабил ремни.

– Олег Николаевич, – с трудом выговорил Андрей пересохшими губами, – вы же ввели моды, можно окно открыть?

– Ввели в вену, – ответил Олег. – Это не конечное место назначения.

– Пять минут осталось потерпеть, – сказала Марина. – Все под контролем.

Олег нащупал пульс на горячем влажном запястье пациента.

– Даже меньше, – сказал он. – Будут в лобных долях, и можно будет открыть окно, пить и есть мороженое. Смотрите на экран.

Под секундомером появилась еще одна светлая прямоугольная табличка: «Температура: 41,0. Пульс: 200».

– Все работает, – сказал Олег. – Это сигнал с модов. Но они пока в крови. Смотрите, двадцать три секунды на секундомере сравняются, будет интересно.

На таймере было двадцать. На двадцати трех он уменьшился вдвое и уехал в нижний правый угол экрана, над ним встал прямоугольник с температурой и пульсом. А весь экран заняла координатная сетка из светло-зеленых тонких линий. В левой части сетки вырос узкий красный протуберанец, отполз правее, и его место занял следующий. Над графиком появилась цифры в процентах: один, два, пять, десять.

– Это процент модов, дошедших до цели. Проникнув в мозг, они передают сигнал на биопрограммер. Как только перевалит за пятьдесят, температура начнет падать, пульс тоже.

Процент рос быстро. На сорока шести секундах было уже пятьдесят. И температура впервые дернулась: 40,9. Пульс 180.

Таймер отбил минуту. Процент: восемьдесят. Температура упала уже до сорока, пульс до ста пятидесяти.

– Интересно, сколько мы потеряем? – задумчиво проговорил Дима.

– Пока проходят, – сказал Олег Николаевич.

На отметке восемьдесят пять секунд, весь прямоугольник экрана окрасился красным и на нем возникла крупная белая надпись: 100%.

– Супер! – сказал Дима. – Я так не умею.

– Ну, это же Олег, – улыбнулась Марина и пошла открывать окно.

В кабинет ворвался влажный воздух, пахнувший нарциссами и грозой.

Пациент задышал ровнее.

Температура быстро падала, пульс тоже.

– До тридцати девяти с половиной достаточно довести, – сказал Олег. – Андрей, в следующий раз будет легче.

– Следующий раз? – простонал пациент.

– Будет положительное психологическое заключение – будет следующий раз, – беспощадно отрезал Олег. Надо будет ввести коррекционные моды.

– Андрей, можно водички попить, – сказала Марина.

Дмитрий освободил от ремней его руку.

Альбицкий жадно припал к стакану с водой.

– Спасибо. Можно еще?

Температура его уже упала до тридцати восьми с половиной, пульс до восьмидесяти.

Когда Андрей допивал второй стакан, пульс был семьдесят.

– Пульс в норме, – прокомментировал Олег. – Температура за полчаса спадет. Можете пока отдохнуть. Не тошнит?

– Нет, все в порядке.

– Ну, и отлично.

– Я бы себе больше тройки не поставил.

– А что?

– Мог быть и терпеливее. Извините.

– Да, ладно! Вполне прилично на общем фоне. Вы же не в Гестапо, чтобы геройствовать. Если хотите спать – поспите.

– Здесь?

– Конечно. Биoprogramмер работает.

На экране компьютера появилось трехмерное изображение человеческого мозга. На нем начали возникать зеленые точки, которые постепенно росли, превращаясь в пятна с неровными очертаниями, похожие на объемные кляксы светло-зеленых чернил. Над картинкой снова появились цифры в процентах.

– Это он картографирует? – спросил Андрей.

– Да, – кивнул Олег, – но это долгий процесс. Поспите. В коре головного мозга около десяти миллиардов нейронов.

– Суда по скорости поиска в интернете, должно занять менее часа, – заметил Альбицкий.

– Видимо, это сложнее, – сказал Олег. – По моему опыту, полтора-два часа. А потом вы нам понадобится.

На улице подул шквалистый ветер, так что пришлось закрыть окно. Стало совсем темно, сверкнула молния, раздались раскаты грома и на сад обрушился ливень.

Олег и Марина ушли, с пациентом остался только Дмитрий.

Температура упала еще на полградуса. Монитор показывал тридцать восемь.

Стихия слегка успокоилась. Ветер улегся, гроза ушла, ливень сменил морсящий дождь, и Андрей задремал.

Когда он проснулся, на часах было без пятнадцати пять, а на изображении мозга на компьютере, осталось немного мелких белых пятен, и они стремительно сокращались в размерах.

– Он заканчивает? – спросил Альбицкий.

– Да, – согласился Дмитрий, – еще минут десять.

Над картинкой зеленые цифры 94% превратились в 95 и окрасились красным.

– Насколько сейчас можно отлучиться? – спросил Андрей.

– В туалет? Вон, белая дверь, рядом со столом с вашим арсеналом, там биопрограммер ловит.

Когда Альбицкий вернулся, Олег Николаевич уже был в кабинете. Склонившись над монитором, он внимательно наблюдал за картинкой.

Нож со стола исчез.

– Ну, префронтальная кора готова, – сказал психолог. – Сейчас височные доли доснимет. Они для нас тоже важны.

Андрей подошел, встал рядом. На боковых участках мозга исчезали последние белые крупницы.

– Вот это височные доли? – спросил он, указал на них рукой.

– Угу, в доминантной доле хранится долговременная память, и есть участки, ответственные за убеждения, – сказал Олег. – Мы их обычно не трогаем, однако всякое бывает.

– И когда вы их трогаете?

– Когда они криминальные. Например, если вы считаете, что азиатов надо убивать, чтобы очистить от них улицы Москвы – это криминальное убеждение. Мы его не только имеем право трогать, но даже обязаны. Если же вы убеждены в том, что мир сотворил летающий макаронный монстр в состоянии глубокого опьянения, тут уж, – он развел руками, – ничего сделать не можем. Имеете полное право.

Счетчик над картинкой, наконец, показал 100%. И под ним возникла надпись: «Подготовка к анализу данных».

– Андрей, берите стул. Вон, у окна, садитесь к компьютеру. У нас будет примерно час совместной работы, потом начнется анализ результатов.

– А Психологическое заключение?

– На основе анализа.

Все сели к монитору. Андрей в центре, Олег и Дмитрий – по бокам.

Изображение мозга на экране стало совсем светлым, только черные контуры.

– Так, Андрей, я сейчас буду задавать вопросы, делать какие-то предположения. Лучше, чтобы это был диалог, а не монолог, но, если где-то вам тяжело отвечать – в общем-то ничего страшного.

Альбицкий кивнул.

– Мы, к сожалению, с вами так и не успели толком поговорить. Все время куда-то бежали. Но сказали вы довольно много. По крайней мере, есть, о чем спрашивать. Вас преследует СБ?

– Да.

На картинке в области височной доли вспыхнуло красное пятнышко.

Андрей уставился на экран.

– Почему он так реагирует, я же не вру.

– Конечно не врете. Я вижу. Просто эмоциональная реакция. Если бы вы сказали «нет», была бы явная ложь. Да не смотрите вы туда!

– Это сложно, – улыбнулся Альбицкий.

– Дело связано с политикой?

Глава 3

– В какой-то степени... – проговорил Альбицкий.

На экране появилась еще одна красная точка.

– Андрей, ну, не увиливайте! «Да» есть да, «Нет» – это нет, а все, что сверх того, то от Лукавого.

– Я не увиливаю, Олег Николаевич. Действительно не понимаю, можно ли это считать политикой. Это становится политикой только в несвободных странах.

Рядом с красной точкой зажглось несколько оранжевых.

– У нас несвободная страна?

– Последняя диктатура Европы! Вы, о чем? Какая она свободная!

Картинка отреагировала россыпью оранжевых огней.

– Мы не так уж плохо живем при этой диктатуре, – заметил Олег.

– Ну, да! Вы неплохо живете. А почему в Лесногородском Центре больше не работаете, Олег Николаевич?

– Вы знаете ответ, – сказал Олег, изучая очередную красную вспышку.

– Конечно. Потому что вас заставляли фальсифицировать психологические заключения, а вы отказались. И потому вы там больше не работаете.

– Да, вы правы. Но я нашел себя. Выход есть. Можно не участвовать в подлости.

– Не всем этого достаточно.

– Андрей, но насилие – не выход! Есть вещи недопустимые!

Зажглась красная точка в префронтальной коре.

– Ну, вот! – прокомментировал Олег. – Даже отвечать не надо.

– Почему же? Я отвечу. Почему то, что допустимо для них, должно быть недопустимо для нас?

– Для них тоже недопустимо. И мы не должны им уподобляться.

– Не в моих привычках подставлять другую щеку.

– Иногда альтернатива этому война и гибель многих.

На этот раз отреагировала и височная доля, и префронтальная кора.

– Мы стараемся обойтись малой кровью, – сказал Альбицкий.

– Вы убили вашего друга?

– Нет, – ответил Андрей. – Я не убиваю друзей.

Монитор отреагировал зеленой вспышкой.

– Олег Николаевич, что делает биoprogrammer?

– Помечает проблемные зоны. Мы говорим: снимает реперные точки. Как градуировка прибора. Вас ведь не за это убийство разыскивают?

– Формально за это. Оно им нужно как предлог для ареста.

– А не формально?

– Вы увидите.

Красные точки зажглись и в височной доле, и в префронтальной коре.

– О-кей, – сказал Олег. – Теперь немного о другом. Откуда у вас пистолет?

– Купил.

Картинка на экране отреагировала двумя красными пятнами.

– У меня разрешение есть.

– Отлично, – кивнул Олег. – Для чего вы хотели его использовать?

В префронтальной коре вспыхнуло сразу несколько красных пятен.

– Для самообороны.

– Вы могли бы выстрелить в человека?

Андрей молчал. Однако картинка префронтальной коры стала еще краснее.

– Ладно, – вздохнул Олег. – Не хотите мне еще что-то рассказать?

– А он сам не прочитает?

– Он все прочитает, – сказал Олег. – Просто вы пришли ко мне за помощью, а ведете себя так, как будто я вас допрашиваю с пристрастием.

– Реперные точки сняты, – сказал Дмитрий. – Можно запускать анализ.

На экране, на месте статистики появилась оранжевая кнопка «Сделать предварительный анализ», под ней зеленая «Да» и красная «Нет».

– Тогда так, Андрей. Первое. Вспоминаете что-то значимое – тут же мне рассказываете. Второе. Относительно обработки данных. Мы сейчас можем запустить экспресс-анализ. Программа пройдет по проблемным зонам префронтальной коры и выдаст предварительный результат. Тут же узнаем, положительное или отрицательное ПЗ, и нужна ли психокоррекция. Возможно, будут первые рекомендации. Подробный анализ продлится до глубокой ночи. Экспресс займет минут пятнадцать. Можно будет, наконец, пообедать, точнее уже поужинать. Делаем экспресс-анализ?

– После него может измениться результат?

– Только в худшую сторону. Если быстрый анализ выдаст положительное ПЗ, оно таким и останется. Если отрицательное – утром все может оказаться гораздо хуже.

– Делаем, – кивнул Андрей.

И Олег коснулся пальцем зеленой кнопки «Да».

Ужинали на веранде, здесь же на первом этаже. Большое трехстворчатое окно выходило в сад, солнце клонилось к закату, удлиняя тени от цветущего куста сирени и калитки ворот. Через дорогу высился Лесногородский Психологический Центр за высокой каменной оградой.

Все собрались за одним большим столом с сервизом тонкого фарфора с супницей, графинами с морсом собственного изготовления и радушной хозяйкой – ни дать, ни взять – интеллигентская дача времен Антона Павловича Чехова. И гость соответствующий, оттуда же из девятнадцатого века. Живая иллюстрация к известной фразе о том, что за двадцать лет в России меняется все, а за двести – ничего.

Супница содержала уху из лосося и пахла перцем, укропом и кумином. Марина разлила суп по тарелкам.

Андрей явно наслаждался ситуацией.

– У вас очень классно, Олег Николаевич, – сказал он. – Спасибо вам!

– Я буду уговаривать вас остаться, – сказал Олег.

– Если бы не специфические обстоятельства, меня бы не надо было уговаривать.

– Я понял про вас три вещи, Андрей. Первая: все очень плохо. Вторая: вы этого не понимаете. То есть очень плохими вам кажутся внешние обстоятельства, а на самом деле это о вашем внутреннем состоянии. И последняя: вы совершенно не безнадежны. ПЗ у вас положительное – сто процентов, мне для этого карту смотреть не надо. Коррекция нужна – сто процентов, без всякого анализа. И сделать ее надо обязательно, независимо от того, кто вас ищет и как быстро найдут.

– Зависит от того, как быстро меня найдут. Как только это случится, нам уже ничего не дадут сделать, даже, если я соглашусь.

Уху сменили куриные ножки, тушеные в сметане с пряностями. Потом чай. Дмитрий разлил кипяток, заварив чайные пакетики. К чаю полагались булочки и вишневое варенье.

– Андрей, что за история с вашим другом, в убийстве которого вас хотят обвинить? У них есть основания?

– Я был там. Меня вызвали эсэмэской, написанной от его имени. Но когда я пришел, Илья был уже мертв.

– И что вы сделали?

– Вызвал скорую, конечно, – пожал плечами Андрей.
– И с ней приехала полиция?
– Сразу после нее. Врачи и вызвали.
– Они обязаны, если констатировали смерть.
– Но полицейские удовлетворились моими объяснениями. Переписали данные, я им оставил телефон, пообещал явиться, если меня вызовут как свидетеля.

– И не пошли?
– Меня вызвали в СБ. Один старый друг написал мне, чтобы я не ходил, потому что меня собираются арестовать.

– И вы пошли вместо СБ ко мне.
– Мне вас рекомендовали. Говорят, вы помогаете в таких случаях.
Пришло сообщение от Леши: «Олег Николаевич, вам звонили. Я пока не брал трубку. Что делать, если еще позвонят? Вот контакт». Дальше следовал номер телефона и подпись: «Пропущенный вызов: Виктор Петрович (СБ)».

Стоило только упомянуть эту аббревиатуру!

Олег Николаевич ее ненавидел. Равно, как и все предыдущие. Они звучали по-разному, то сокращаясь, то увеличиваясь в длину: Тайный приказ, Третье отделение, ЧК, НКВД, КГБ, ФСБ, СБ. Названные конторы, зачастую, недолюбливали друг друга, и каждая следующая заявляла о полном разрыве с предыдущей, однако очень быстро превращалась в сорт одной и той же дурно пахнущей субстанции.

– Мне звонили из СБ, – сказал Олег.
Альбицкий заметно побледнел.
– Видимо, мне пора изменить планы, – заметил он.
– Не торопитесь, это только звонок. Может быть, вообще совпадение. Я не знаю пока, что от меня хотели.

И набрал ответ Леше: «Если Виктор Петрович будет звонить, скажи, что я на месте, но подойти не могу, поскольку занят с клиентом. Попроси перезвонить после девяти. Держи меня в курсе событий».

– Надеюсь, что они считают, что я в Москве. Машина на приколе. Телефон в офисе. Заключение будем смотреть?

– Да, конечно.
– Прошло больше часа, – сказал Дмитрий. – Там, наверное, все готово.
– Пойдемте, – позвал Олег.
Они вернулись в кабинет к погрузившемуся в спячку компьютеру с черным экраном.
Олег Николаевич коснулся клавиатуры, и экран вспыхнул.
Сверху, над таблицей со многими параметрами, шла надпись: «Результат диагностики: положительный, 95%». И под ней: «Потребность в психокоррекции: необходима, 91%».

– У-у-у, – протянул Олег, – плохи ваши дела.
– Я ожидал чего-то в этом духе, – заметил Андрей, – но не думал, что настолько жестко.
– Сядьте, давайте посмотрим параметры. Поймем, что ему не понравилось.

Они сели у монитора.

Олег начал просматривать и комментировать таблицу.

– На первой странице сплошная норма. Видите, черные цифры? То, что выпадает за границы нормы, будет красным. Интеллект высокий. Хорошо. Зеркальные нейроны. Выше среднего. Еще лучше. Развитие префронтальной коры: высокое. Супер! Самоконтроль. Высокий. Ответственность: очень высокая. Честность: узкая норма. Это лучше, чем широкая. С такими параметрами в сонм святых надо, а не в ПсиЦентр. А вот! Авантюризм: высоковат. Даже окрашен оранжевым. Широкая норма. Такие показатели бывают у гангстеров и флибустьеров, но у

них зеркальных нейронов мало. В сочетании с высокими зеркальными нейронами, это скорее первооткрыватели новых земель, предприниматели и революционеры.

Олег прокрутил страницу.

– А вот она ваша проблема. Склонность к насильственным действиям. Значительно выше нормы. Это ваш пистолет, из которого вы собирались отстреливаться и видимо то, о чем вы молчите. Экспресс-анализ не ловит конкретные эпизоды.

– А подробный анализ?

– Подробный конечно. Но он будет через несколько часов. Подождете?

– Думаю, да. Но держите меня в курсе вашего общения с известной конторой.

– Конечно. Но по-хорошему с таким результатом надо вводить коррекционные моды и зависать у меня в клинике, причем, боюсь, что нескольких дней не хватит. Ничего страшного в этом нет. Хотите я покажу вам как работают коррекционные моды?

Андрей кивнул.

– Надеюсь, что время еще есть.

Олег навел курсор на роковые красные цифры, и над ними всплыла мелкая надпись: «Показать карту и рекомендации». Олег кликнул по надписи, и картинка сменилась: вместо таблицы возникла объемная нейронная сеть.

– Вот проблемный участок, – сказал он. – видите, один из отростков нейрона помечен красным. Он лишний. С помощью ферментов моды его уберут. А зеленые линии – это связи, которые должны быть, но их нет. Их моды достроят.

Олег уменьшил картинку, нейронная сеть отдалась, зато нейронов прибавилось. Красных и зеленых линий оказалось много.

– Как видите, есть, чем заняться. А теперь посмотрите, что должно быть.

Картинка сменилась. Теперь нейронная сеть была без красного и зеленого, просто с одинаковыми клетками.

– Может быть, сложно заметить разницу, но это здоровая сеть – то, что получится.

Под картинкой располагалась кнопка «принять рекомендации».

– Я пока ее не трогаю, – сказал Олег. – Это, если только вы согласитесь на коррекцию.

– Если они сюда не нагрянут в ближайшие несколько часов.

– Уже хорошо. Значит, не исключаете согласия. Еще раз: совсем не страшно. Введение коррекционных модов, конечно, штука неприятная, но это и все. Коррекционные моды вводят один раз на весь курс лечения. В остальное время можете гулять по саду, валяться на кровати с планшетом и беседовать с Мариной Юрьевной и Дмитрием Сергеевичем. Коррекция протекает совершенно незаметно. Надо будет только очень четко принимать все лекарства, которые я выпишу. Они не страшные, это не кондактин. Температура будет немного повышенной, но это не сорок, и даже не тридцать девять. И где-то раз в три дня будем смотреть, как меняется нейронная карта. По сигналам с коррекционных модов.

– Пока, в любом случае, ждем окончательный результат. Когда он будет?

– В три-четыре утра. Остаетесь переночевать?

– Да, спасибо огромное. Честно говоря, двое суток не спал, кроме как под вашим био-программером.

– У меня сейчас свободна одна комната для пациентов, так что пойдемте.

– Только разбудите меня, как только будет результат или еще что-то случится.

– Хорошо.

Они поднялись на второй этаж, и Олег открыл дверь в маленькую комнатку: окно, стол, стул, маленький шкаф у стены, кровать.

– Справа дверь: душ и туалет, – прокомментировал он. – У вас какой размер одежды?

– Сорок восьмой.

– Завидую... Там в шкафу пижама, упакованная в полиэтиленовый пакет. Размер 50-й. Но вы ее берите, вы же без вещей ко мне попали.

– Спасибо, Олег Николаевич! Еще можете мне дать пароль от вашего вайфая?

– Конечно.

Олег нашел в записной книжке смарта и продиктовал пароль.

Спустился к себе в кабинет, там за компом сидел Дима. Было около десяти вечера. Он обычно так рано не ложился. Биопрограммер работал, до результата было еще далеко. Только цифра 95% в «результате диагностики» сменилась девяносто шестью.

– Ну, пойдем чаю попьем, – предложил он ассистенту.

Они ушли на веранду, но чай только и успели, что разлить по чашкам.

Олегу пришло сообщение на телефон.

«Вам снова звонили, – писал Леша. – С того же номера. Я взял трубку, сказал, что вы еще работаете и никак не можете разговаривать. Он сказал, что напишет, и просил передать вам его письмо как можно быстрее. Пришло, пока я писал. Вот оно».

«Олег Николаевич, мы с Вами давно знакомы, и я решил Вас предупредить, – гласило послание. – По нашим сведениям Вы укрываете человека по имени Андрей Альбицкий. Это крайне опасный человек, возможно, самый опасный человек в России. Вы очень рискуете! Кстати, у него арестованы счета и заблокированы все карты. Он с Вами не расплатится. Если он еще у Вас, вы обязаны нас проинформировать. Ответьте мне или перезвоните».

Олег поймал вопросительный взгляд Димы.

– Что случилось? – спросил ассистент.

– СБ знает, что Альбицкий у нас. Приказывают выдать.

– У него резы плохие. Может быть, они правы?

– Он нам доверился.

«Леша, напиши ему от моего имени: «Спасибо за предупреждение, но я не знаю, о ком Вы говорите, Виктор Петрович»», – набил Олег.

«Он ответил, – написал Леша. – Вот: «Вы сегодня совершили ужасную ошибку, Олег Николаевич. Ваш протекже вас предаст, на секунду не задумавшись. Если не убьет. Ему не впервой. Берегите себя».

Виктор Петрович Палий всегда был честен насколько, насколько вообще может быть честен человек, имеющий отношение к данной организации. По крайней мере, пять лет назад, когда они общались в последний раз, это было так.

Но для них же ложь – это не грех, это профессия. Для всех.

– Дима, пойдем посмотрим, как наш клиент, – сказал Олег.

И они вернулись в кабинет, к биопрограммеру.

– Спит? – спросил Олег.

Дмитрий загрузил сигнал с модов, введенных Альбицкому.

– Нет.

Олег колебался еще секунду и переслал Андрею оба СБшных письма.

Он ответил мгновенно:

«Самый опасный человек в России сидит в Кремле. Вам ничего не угрожает. Я сейчас спущусь».

Дальше события развивались стремительно.

«У нас гости под окнами, – писал Леша. – Весь переулок перегородили. Три черных микроавтобуса с красной полосой по борту. У арки две легковушки. Такие же. Все забаррикадировали начисто. Пытаются въехать под шлагбаум».

«Сотри все, связанное сам знаешь, с кем, – приказал Олег. – В том числе это сообщение. И звони Герману Львовичу».

«Уже, – отчитался Леша. – Адвокату сейчас позвоню».

«Ок».

«Они требуют открыть».

«СБ?»

«Да. У них ордер на обыск. По их словам».

«Тяни время, сколько сможешь. Желательно до приезда адвоката».

«Грозятся распилить дверь».

«Пусть пилят. Все равно ограбят начисто».

Наконец, в кабинете появился Андрей.

– У меня обыск в офисе, – сказал Олег.

– Этого следовало ожидать. Извините. Боюсь, что офисом они не ограничатся. Жаль, что не получается у вас остаться, Олег Николаевич. Действительно хотел выспаться. Мое присутствие требуется для завершения анализа карты?

– Нет, все в памяти.

– Отлично! Когда будет готово, закачайте ее в облако и сотрите оригинал. Я сам с вами свяжусь.

– А если он не успеет обработать результаты.

– Закачайте то, что есть. Оригинал не должен попасть к ним в руки.

– Хорошо.

– Могу я воспользоваться машиной?

– Возьмите Фольксваген Марины.

– Нет. Его слишком легко связать с вами. «Тахион», если можно. Понимаю, что машина не ваша. Но даю слово чести, что она к вам вернется.

– Тогда с вас еще одно слово чести. Там в бардачке ваш пистолет. Дайте мне слово, что вы им не воспользуетесь.

– Только в тире и в лесу по баночкам.

– Даете слово?

– Да.

Олег обвел взглядом комнату, порылся в карманах.

– Куда же я дел ключи?

– Вы их забыли в замке зажигания. Все в порядке.

– Да? Ок.

– Спасибо за все. Прощайте!

Альбицкий ушел. Послышался гул мотора, и Олег Николаевич с Дмитрием еще минут десять смотрели, как удаляется и слабеет сигнал с модов на компьютере.

«Обыскивают кабинет, – пришло сообщение от адвоката. – У Леши отобрали телефон».

«Герман Львович, дверь распилили?» – спросил Олег.

«Не успели, я приехал раньше».

«Спасибо. Что их интересует?»

«Пакуют технику. Всю. Биoprogramмер, компьютеры, планшеты, телефоны».

«Ну, это с концами».

«Боюсь, что да. Но обжалуем, конечно».

«Препараты?»

«Ноль внимания».

«Ну, хоть что-то».

«Все забрали. Лешу везут на допрос».

«Едешь с ним? Я оплачу».

«Конечно. Берем 51-ю».

«Хорошо, что еще не отменили».

«Да, осталось право не свидетельствовать против себя. Как ни странно».

– Ну, что, Дима, ждем гостей дорогих, – сказал Олег и кивнул в сторону компьютера. – Сколько ему еще?

– Пишет, что три часа.

– Понятно. Сможешь подежурить?

– Да, я все равно не засну.

– Я попробую. Разбуди меня, как закончит. Или, когда за нами придут.

– Хорошо, Олег Николаевич.

Олег поднялся к себе и честно пытался уснуть, пока не начало светлеть небо, и в саду не запели первые птицы. Тогда пришло сообщение от Германа: «Мы закончили. Ничего нового они не узнали».

«Мне их ждать?»

«Боюсь, что да».

«Сможешь приехать? Если в состоянии, конечно».

«В дороге посплю. Приеду, естественно, а то еще подкинут что-нибудь».

«У меня целый шкаф того, что можно подкидывать».

«Кроме того, что у тебя в шкафу, бывает еще оружие и взрывчатка».

«От клиента нож остался».

«Ох! Выкинь куда-нибудь».

Олег оделся и спустился в кабинет.

Там, за монитором, еще сидел Дмитрий.

– Он закончил анализ? – спросил Олег.

– Да. Все не решался вас разбудить. Тут такое! Авгиевы конюшни!

Олег сел рядом и взглянул на экран.

Глава 4

Цифры вверху изменились. «Результат диагностики: положительный, 100%». И под ней: «Потребность в психокоррекции: необходима, 100%». И чуть ниже еще одна красная надпись: «Террористическая опасность».

Под подписями располагался краткий текстовый отчет.

– Он нам еще наврал с три короба! – сказал Дима. – Смотрите!

– Не совсем. Честно пытался врать поменьше. Но да, умалчивал.

Начиная с того, что никогда не собирался делать коррекцию. И оправдываться перед СБ тоже.

«Альбицкий Андрей Аркадьевич, – гласил отчет. – Тридцать один год. Образование высшее. Уроженец Москвы...»

Он казался Олегу моложе. Лет двадцать пять максимум.

«Программист, предприниматель».

«Считает, что СБ отобрала у него бизнес и организовала убийство его жены и его друга. Соответствие действительности: восемьдесят пять процентов. Создал подпольную организацию Лига Свободы и Справедливости (ЛСиС), целью которой является поиск и убийство людей из «черного списка». Список составляют его сторонники по материалам прессы и жалобам пострадавших от «произвола»».

На «черный список» стояла ссылка. Олег кликнул по ней.

Госчиновники, судьи, сотрудники СБ, следователи, полицейские...

Рядом с каждой фамилией стояла должность, вина и комментарий: «проверяется, идет следствие, идет суд, приговор, в работе, приговор исполнен». Исполненных приговоров было немного. Около пяти. Но, кажется, обо всех этих убийствах Олег Николаевич уже слышал.

– Что за следствие и суд? – спросил Олег.

– Похоже, они построили целую систему альтернативных институтов. Пока не понимаю, как это работало.

Тем временем, Дима прокручивал список вниз. Госчиновники обвинялись в хищениях из бюджета, воровстве, взяточничестве и подавлении оппозиции, судьи – в вынесении заведомо несправедливых приговоров, СБшники – в рейдерстве, убийствах и фабрикациях дел, следователи – в фабрикациях дел, полицейские – в избиениях и пытках подозреваемых.

Дмитрий хмыкнул.

– Знаете, Олег Николаевич, я бы тоже за это убивал.

– Это не слова врача, – отрезал Олег.

– Ну-у, отправлял на психокоррекцию.

– А что с остальным? – спросил Олег. – Он своего друга убил? Этого Илью?

– Нет. Я смотрел расшифровки долговременной памяти. Именно к нему Альбицкий бросился к нему на помощь, по смске. Зеркальные нейроны подвели. То, что он рассказал дальше, в общем, вполне адекватно.

– Ну, хоть здесь не наврал.

Олег прокрутил список вниз, сотни фамилий.

– У него похоже память абсолютная...

– Эйдетик, – кивнул его ассистент. – Есть в диагностике.

В самой последней строчке списка стояло имя, которое в России знают все. Рядом с именем и должностью имелась надпись: «В работе».

– М-да, – сказал Олег. – Ты это видел?

– Угу. Что делать будем? Нам могут вклеить пособничество терроризму.

– Мы честно не знали.

– А кого это волнует?

– Да, в России живем. Ладно, Дима, закачай его карту в облако. Пароли мне. Архив потри. Все, что имеет отношение.

С улицы послушалось шуршание шин, в зазоре между забором и его бетонным основанием вспыхнул свет фар. И Олег впервые пожалел, что забор у него глухой: ничего не видно. Но автомобиль или автомобили явно остановились, судя по теням в том же проеме.

– Кажется за нами, – сказал Олег.

– Я закончил, – отчитался Дима.

– Все стер?

– Да. Все закачал. Все стер.

– Тебе лучше уйти. Пароли пусть будут у тебя. Может быть, хоть твой телефон не отберут. Уходи через заднюю калитку.

– Я помню, – кивнул Дима.

Звонок заиграл «К Элизе» через минуту после того, как он ушел.

Германа еще не было.

«Они здесь», – написал ему Олег.

«Подъезжаю. Минут через десять».

Вспомнил про нож. Но в ящике стола, куда он его запер, пока Андрей уходил в туалет, ножа не было.

Когда он успел?

Но рассуждать об этом было некогда. Звонок не унимался. Олег стер переписку с Лешей и адвокатом и пошел открывать.

– Откройте! Это СБ! – кричали за калиткой.

Хотелось бы, конечно, дожидаться адвоката, но калитки было жалко, распилят ведь сволочи! И не хотелось идти на конфликт. Олег предпочитал решать дела миром. По возможности.

За дверью стоял Виктор Петрович Палий, собственной персоной. Невысок, худощав, лыс, с острыми СБшными глазками на круглом лице. Одет в официальный серый костюм. За ним еще человек десять молодцев с автоматами наперевес.

– Вы не имеете права врываться в частный медицинский кабинет, – сказал Олег.

– Имеем. У нас ордер на обыск.

И он скинул Олегу на телефон документ с гербом и печатью.

– Сейчас изучим, – пообещал Олег. – Подпись прокурора есть?

– Мы в курсе, какие должны быть подписи.

Честно говоря, придаться было не к чему. Чисто из занудства Олег проверил по базе цифровую подпись. Ну, подлинная конечно.

– Дело касается терроризма, – проникновенно проговорил Палий. – Так что мы на все имеем право.

– Терроризм для вас слишком растяжимое понятие.

– В данном случае во вполне узком смысле. Вы карту Альбицкого снимали?

– Даже, если бы я знал, о ком вы говорите, я бы не имел права ответить. Это касается медицинской тайны.

– Дело о терроризме. Какая медицинская тайна?

– Я не имею права разглашать конфиденциальную информацию о моих пациентах.

– В данном случае даже обязаны.

– Хорошо, я посоветуюсь с моим адвокатом.

В этот момент в дверном проеме за плечом Виктора Петровича показалась хитрая физиономия Германа.

– А вот и он, – сказал Олег. – Герман Львович, заходите.

Вместе с адвокатом за калитку просочился Палий и молодцы с автоматами. И направились к дому.

Дверь открыли, и молодцы рассыпались по холлу.

Палия холл не заинтересовал, он окинул помещение беглым взглядом и напрямик направился к двери в кабинет. Рванул на себя.

– Не заперто, – прокомментировал Олег.

Виктор Петрович вошел. Олег неспешно последовал за ним.

– Что тут у вас? – спросил Палий.

– Я думал, эта техника вам знакома, – заметил Олег.

СБшник возвел глаза к потолку и уставился на матово-синий прямоугольник над креслом для пациентов.

– Биoprogrammer, – констатировал он.

– Ну, разумеется.

– Странно видеть в частном кабинете.

– Редко бываете в частных кабинетах.

– А в шкафу что?

– Наркотики, – беспечно ответил Олег Николаевич.

Виктор Петрович нахмурил брови.

– Предпочитаю синтетические, – добавил Олег, – они безопаснее, и в последнее время появились довольно эффективные. И нейрорептилки. Диагностические препараты, коррекционные препараты. Все первый список. Вам разрешения показать?

Палий махнул рукой.

– Да знаю я ваши разрешения!

Его взгляд упал на медицинский компьютер у окна.

– Компьютер мы забираем.

– Это точно противозаконно. Компьютер – часть медицинского оборудования.

– Мы изымаем весь медицинский архив, с историями болезней. Разрешение есть. Показать?

– Отправьте моему адвокату.

– Герман, все там в порядке?

– Да, к сожалению.

– Ну, зачем вам компьютер? – обратился Олег к Палию. – Там нет ничего, что может вас заинтересовать. А нам работу сорвете. У вас сейчас полный архив будет.

– А вы нам работу не срываете, укрывая опасного государственного преступника? Куда дели Альбицкого?

Олег Николаевич пожал плечами.

– Ищите.

– Ваш телефон мы тоже забираем. Давайте!

Олег вздохнул и отдал телефон.

В кабинет спустилась Марина. Сразу все поняла.

– Ваш телефон тоже. Марина Юрьевна, если не ошибаюсь?

– Да, не ошибаетесь. Я за ним схожу, если не возражаете.

– Идите.

– Марина сходила за трубкой и вручила ее Палию.

Олег заметил, что это старый запасной телефон. Только бы спальню не обыскивали!

Но доблестные стражи госбезопасности удовлетворились добычей. Техника была переписана и упакована, делать им было больше нечего. Они потоптались в холле и кабинете еще полчаса и постепенно ретировались.

– А вы поедете с нами, Олег Николаевич! – сказал Палий.

– Допрос?

– Беседа.

– Тогда имею право не ехать.

– Ладно, допрос.

– Тогда со мной едет Герман Львович.

Допрос ничего не дал. Взяли пятьдесят первую.

После допроса Герман одолжил ему трубку.

Олег вопросительно посмотрел на него.

– Все включено, – прокомментировал тот.

– У Марины должна была остаться пара запасных.

– И у меня запасной. Берите, пригодится.

Домой Олег вернулся только к обеду вконец разбитым.

Было около двух часов дня, когда ему пришло письмо от Германа:

«Со мной связался твой последний клиент. Дать ему твой новый контакт?»

«Да».

Письмо от Альбицкого пришло почти сразу на одолженный Германом телефон:

«Уважаемый Олег Николаевич!

Час назад я пересек финскую границу. И «Тахион» Вашего друга мне очень в этом помог. Я оставил его на охраняемой парковке в Светогорске, после чего мне пришлось сменить вид транспорта. Думаю, Вы или Ваш друг найдете его там без труда.

Я расплатился биткоидами на Ваш кошелек. Публичный ключ мне дали общие знакомые. Проверьте. У меня получилось шестьдесят пять тысяч в рублях. Десять – две часовые консультации, пятьдесят – картография мозга, пять – туда-сюда. Я затрудняюсь посчитать цену вип-такси и аренды «Тахиона». Пишите, я заплачу.

У вас всю технику забрали? Пишите, мы постараемся компенсировать.

Простите, что не всегда был с Вами честен.

Наверняка Вы меня осуждаете, но нам не оставили возможности работать в легальном поле.

Простите, что взломал ящик у Вас в шкафу и забрал нож.

Простите, что использовал Вас и вводил в заблуждение.

Я эйдетик, и составление нейтронной карты я счел наиболее быстрым и эффективным способом сохранить архив организации на случай, если меня убьют.

Вышлите мне, пожалуйста, ссылки и пароли от записи в облаке. Надеюсь, Вы уже стерли оригинал?

Спасибо Вам за все!

Еще раз простите.

Светлой России будущего с честной властью и праведными судами будут нужны такие люди, как Вы.

Андрей Альбицкий.

P.S. Не забудьте стереть это письмо».

Олег открыл биткоиновский кошелек, на него действительно пришел платеж в эквиваленте шестьдесят пять тысяч рублей.

Пароли уже успел переслать Дима.

Олег вздохнул и настроил ответ:

«Андрей, здравствуйте!

Деньги Ваши пришли. Вы спрашиваете меня, сколько Вы должны мне еще?

Это просто. Я буду Вам очень обязан, если в Финляндии Вы найдете хорошего психолога и пройдете курс коррекции. Порекомендовать могу. С такой картой, как у Вас, из дома выходить нельзя.

Ловите Ваши ссылки...

И пароль...

Карту Вашу из архива мы убрали еще ночью.

Олег Николаевич».

Ответ пришел быстро.

«Олег Николаевич, Вы были ко мне исключительно добры и корректны, даже в самые тяжелые моменты. Поэтому я обязательно пройду у Вас курс, как только мы победим. Забронируйте для меня местечко. Я слово держу. Андрей».

И Олег стер переписку.

«Олег Николаевич, здравствуйте! – пикнул Телеграм. – На днях к Вам от меня придет молодой человек. Сможете его принять? Желательно в Лесном. Очень срочно.

Андрей Альбицкий».

После первой встречи с Андреем прошло несколько месяцев. Альбицкий больше не выходил на связь и вообще никак не проявлял себя.

Зато проявляла Лига.

Первое сообщение появилось в конце июня и прошло почти незамеченным из-за отпускного сезона. Сначала СМИ написали, что машина прокурора, генерала юстиции Александра Земельченко по непонятной причине пробила ограждение Большого Краснохолмского моста и упала в Москву-реку. Прокурор погиб. ДТП расследуется.

Про прокурора не забыли вспомнить, что он выступал обвинителем на нескольких процессах, которые были очень сомнительны с точки зрения закона и здорово напоминали обыкновенное госрейдерство. А оппозиционные издания припомнили неожиданно появившиеся в собственности прокурора дорогие автомобили и роскошную недвижимость. Разбился он, собственно, на Лексусе.

Но через пару дней появилось новое сообщение: «Ответственность за смерть прокурора Земельченко взяла на себя некая Лига Свободы и Справедливости».

Более серьезные источники сразу признавались, что Лига не совсем «некая» и уже брала на себя ответственность за убийства примерно полгода и год назад. Потом самые смелые опубликовали «приговор Лиги», где говорилось о том, что Лига Свободы и Справедливости провела расследование деятельности упомянутого прокурора и установила его вину в поддержании заведомо ложных обвинений на нескольких процессах, и в коррупции.

Учитывая, что двое из осужденных по этим делам умерли в тюрьме, и семеро были приговорены к длительным срокам лишения свободы при чистых нейронных картах, суд присяжных Совета Лиги счел возможным вынести смертный приговор, который и был исполнен 29 июня.

Олег Николаевич не удержался и заглянул в нейронную карту Альбицкого. В черном списке фамилия Земельченко была, и рядом с ней значилось «в работе».

Самые отважные сайты тоже вспомнили о лидере Лиги и даже разместили его фото. Видимо, очень старое. Андрей казался на нем совсем юным и с легкой усмешкой и прищуром смотрел на аудиторию.

Второе убийство произошло в июле, и тоже сначала не казалось убийством. Губернатор Свердловской области умер от сердечного приступа. Но, спустя два дня, также, как и в первом случае, Лига опубликовала приговор. Обвинения были стандартны для Лиги и потом появлялись в подобных текстах еще не раз: «подавление оппозиции, коррупция, рейдерство».

Тогда же в СМИ появилась версия о том, что Лига – самозванцы, которые на самом деле никого не убивают, а берут на себя ответственность за естественные смерти одиозных деятелей.

Следующее убийство было организовано словно специально для того, чтобы это опровергнуть. Жертву оглушили ударом тяжелого предмета по голове, а потом добили тремя выстрелами в затылок. Приговор Лиги утверждал, что убитый был военным преступником, виновным в гибели мирных граждан в одном из региональных конфликтов, развязанным правительством. В том числе в расстрелах несовершеннолетних.

А совсем недавно, буквально неделю назад, Лига объявила о том, что принимает жалобы населения на своем сайте. Сайт, конечно, тут же заблокировали, но мгновенно открылось порядка десятка зеркал с подробными инструкциями о том, как обойти блокировки.

На сайте список Альбицкого был выложен в открытом доступе. Надо сказать, что за последние полгода он значительно вырос и стал подробнее и информативнее.

Под списком имелась удивительная надпись: «Если Вы нашли свое имя в этом списке, но не согласны с предъявленными обвинениями, Вы или Ваш адвокат можете связаться с нами по адресу...» И стоял электронный адрес. Разумеется, не российский.

Олег еще раз перечитал письмо Альбицкого. Можно же просто отказаться... Сказать, что некогда, что все забито, что никак... И не будет новых проблем с СБ, обысков, конфискации техники. Отобранные компьютеры так и не вернули, пришлось покупать новые. И куда более современные, между прочим. То барахло, честно говоря, давно пора было списывать.

«В субботу в десять, – написал Олег. – ОК?»

Было утро пятницы.

«Сегодня. Он придет примерно через час. Ваш ассистент сможет предоставить ему комнату? Боюсь, это надолго. Работать с ним можете начать и завтра».

«Хорошо. Пусть приезжает».

В субботу утром в кабинете Олега в Лесном городке сидел юноша, с которого можно было бы писать русского мастерового: прямые соломенные волосы, голубые глаза, прямой нос, широкая открытая улыбка.

Тем удивительнее было то, что Олег узнал потом.

– Как вас зовут? – спросил Олег.

– Женя, – улыбнулся посетитель.

И это дворянское имя ему ужасно не подходило.

– Что вас привело ко мне?

– Олег Николаевич, я исполнитель.

– Кто?

– Я один из тех, кто приводит в исполнение приговоры Лиги.

– Прокурор? Губернатор? Или этот... военный преступник?

– Точно не они.

– А кто?

Глава 5

– Это сложно. Давайте по порядку.

– Вы исполняете приказы Альбицкого?

– Мы подчиняемся Лиге. Беспрекословно. Каждый, кого принимают в отряд исполнителей, дает клятву подчиняться, как труп. Как в ордене Иезуитов. Иначе Лига снимает с себя ответственность за нашу безопасность.

– Вы надеетесь уйти от ответственности?

В голосе Олега появились жесткие нотки, как в Психологическом Центре. Вроде бы отвык за время частной практики, с клиентом надо ласково, чтобы он там не натворил, ибо он деньги платит. Женя – клиент, но он убийца, причем раскаяния нет и не предвидится.

Молодой человек не смутился.

– Пока никого не поймали, – еще шире улыбнулся он. – Из исполнителей. Из пропагандистов пару ребят замели. Пропагандисты в принципе больше рискуют, это же публичная деятельность. Зато им смертная казнь не грозит.

– Значит, есть еще отряд пропагандистов?

– Структура Лиги есть на сайте, так что я вам никаких секретов не выдаю. Можно я покажу?

– Давайте.

И Олег пропустил Женю за компьютер.

– у Вас есть VPN?

– Давно прикидываюсь голландцем, – усмехнулся Олег.

Сайт Лиги загрузился мгновенно, несмотря на VPN.

Сдержанный дизайн, слева сверху изображение цветка какого-то зонтичного растения. Ниже надпись: «Лига свободы и справедливости».

– А что за растение? – спросил Олег Николаевич.

– Пятнистый болиголов. Иногда его путают с цикуттой. Но это другое растение. Именно из пятнистого болиголова делали официальный яд в Древней Греции, который использовали для казней.

Клиент нажал на иконку «Структура Лиги», и на экране появились разветвленная схема.

– Вот, смотрите, – начал объяснять Женя, – Отряд исполнителей на последнем месте. Видите, первым стоит Следственный Комитет Лиги (СКЛ). Под ним кнопка: «подать заявку на работу в комитете».

Женя кликнул по кнопке.

– Здесь условия. Работа в СКЛ платная, в отличие от работы в отряде пропагандистов и в отряде исполнителей. В нашем случае Лига только гарантирует финансовую поддержку в том случае, если материальные проблемы у члена отряда возникли в связи с работой в ЛИГе. В СКЛ зарплату платят. Но там надо иметь юридическое образование и опыт работы в правоохранительных органах.

– И есть желающие?

– Даже в исполнители конкурс, хотя членство в нашем отряде требует наибольшего самоотречения, и у нас самая суровая дисциплина. Меня три месяца проверяли прежде, чем зачислить в отряд. И проверки иногда жестокие.

– Например...

– Например, прихожу я домой после университета, и мне падает сообщение на «Телеграм»: «В левом верхнем ящике вашего письменного стола лежит ампула с красной маркировкой. Налейте полстакана воды, сломайте ампулу и вылейте ее в воду. Выпейте содержимое. Время исполнения: десять минут с момента прочтения сообщения».

– И?..

– Я все исполнил. Честно говоря, было очень страшно. Ампулу ломал, зажав полотенцем, руки дрожали. А питье безвкусное, ну, чуть-чуть с кислинкой.

– Вы считали, что там яд?

– Там и был яд, – усмехнулся Женя. – Я тогда уже был зачислен кандидатом в отряд и дал клятву кандидата: «Клянусь беспрекословно подчиняться любым приказам Лиги, сознавая, что и исполнение, и неисполнение приказов может стоить мне жизни».

– Лига ликвидирует исполнителей?

– Не знаю. Но мы на это подписываемся. Если Лига прикажет выпить любую неизвестную мне гадость, я буду обязан это сделать. И тогда я должен был доказать, что сделаю это.

Минут через десять после того, как я выпил мои полстакана воды с содержимым ампулы, мне пришло новое сообщение: «Как бы плохо вы себя ни почувствовали, обращаться за медицинской помощью, в частности, вызывать скорую помощь строго запрещено». По-настоящему дерьмово мне стало где-то через полчаса. Меня тошнило, я начал задыхаться.

Хорошо, что я живу один, родственники или друзья обязательно бы поинтересовались, что со мной. Думаю, Лига вообще зачисляет в исполнители только таких одиночек, это в анкете надо указывать.

– Хотелось вызвать скорую?

– Я не железный, но держался. Потом пришло новое сообщение: «Ложитесь на кровать и закройте глаза». Я лег и потерял сознание.

Пришел в себя через несколько часов, было ранее утро. Думаю, очнулся от сигнала сообщения, которое пришло на телефон: «Вы должны взять у себя анализ крови. Оборудование и инструкция в нижнем ящике стола. Инструкция имеет силу приказа Лиги». Труднее всего было попасть в вену, я никогда раньше этого не делал. Но ничего, справился. Инструкция очень подробная, на флэшке, с фотографиями. Флэшку надо было уничтожить, а контейнер с кровью оставить в определенном месте. Все по времени. Надо было успеть до семи утра. Я успел.

Когда я пришел домой, мне снова стало хуже, и я понял, что никуда больше не пойду. Но приказа Лиги не было. Я колебался. Вдруг, я обязан идти? Сообщение пришло около восьми: «Вы не должны выходить из дома вплоть до приказа Лиги. Пейте только воду. Ничего не ешьте». Есть и не хотелось. Меня несколько раз рвало. Новый приказ Лиги пришел только на следующее утро. Совсем рано. Мне нужно было пойти в парк. Определенный. И сесть на скамейку. Определенную. Третью по счету на определенной аллее. И ждать указаний. Были даны точные координаты. Так что ошибиться трудно. Смарт подтвердил, что я в правильном месте.

Было около пяти утра. Весна. Чуть-чуть светает. Пахнет свежей землей. В общем, класс. Я думал, что, если меня все-таки убьют, здорово, что у меня было такое утро. Я ждал минут пятнадцать. Потом пришло сообщение: «Не двигайтесь. Не оборачивайтесь. Не трогайте иглу. Потерпите».

Я сначала не понял, что за игла, но приказал себе замереть. Ждал еще несколько минут, пока плечо не обожгла боль. И я понял, что за игла. Очень хотелось ее выдрать, но я терпел. Хуже всего, что я не знал, сколько терпеть. Указаний не было. Я стал считать в уме. Досчитал до ста. До двухсот... До тысячи. Боль не утихала. Сообщений не было. Я начал сначала. Досчитал до пятисот. Наверное, прошло минут десять, но это были ужасные десять минут. Наконец, пришло сообщение: «Аккуратно удалите иглу и выбросите ее в урну рядом со скамейкой».

Легко сказать! «Удалять иглу» оказалось еще мучительнее, чем получить ее в плечо. Я сжал зубы, чтобы не закричать. У иглы оказалось оперение, из сарбакана что ли стреляли, или из арбалета. По крайней мере, никакого звука выстрела я не слышал. Мне удалось ее выдернуть через несколько минут мучений. Я ее выбросил и остался сидеть на скамейке.

– Вы вообще ничего не должны были делать до приказа Лиги? Даже встать со скамейки.

– Да, безусловно.

– И всегда так?

– Нет, конечно. Но, если получаешь приказ Лиги, переходишь в этот режим жизни только по приказам, пока тебя не отпустят. Так что ничего не имеешь права предпринимать без очередного указания, даже встать со скамьи. Я ждал еще минут десять, прежде, чем пришло сообщение: «Идите домой и ложитесь спать». Я вернулся домой и проспал часов до двенадцати.

Проснувшись я обнаружил, что все неприятные симптомы прошли. И меня ждало очередное сообщение: «Евгений, поздравляю. Вы прекрасно прошли первую проверку. Нигде не оступились. Любое отступление от приказов Лиги могло стоить Вам жизни. На первой проверке отсеиваются до пятидесяти процентов кандидатов. Так держать! Однако это не последняя проверка. Все последующие проверки будут сложнее и суровее. Поэтому, если вы не готовы к ним, еще можно отказаться.

Если Вы не хотите больше бороться за членство в отряде исполнителей Лиги, просто напишите «нет» в ответ на это письмо. Это ничем Вам не грозит. Если Вы намерены продолжать борьбу, просто напишите «да». С уважением, Андрей Альбицкий».

– Вы были рады получить это письмо?

– Очень. Я понимаю, о чем вы. Да, Андрей – харизматический лидер, и мы премся от того, что он пишет нам личные письма. Это очень здорово. Но если с ним что-то случится, Лига не умрет. Мы найдем другого лидера, от которого будет приятно получать письма.

– Не вам одному приятно их получать?

– Совсем честно? Не знаю. Члены Лиги не знают друг друга. По крайней мере, рядовые. Даже кандидаты. Тем более, исполнители. Так что по себе сужу.

– И вы ответили «да»?

– Конечно.

– Женья, зачем вам это? Вы готовы были терпеть боль и страх, чтобы получить право убивать?

– Не совсем так. Законного права убивать у меня не было и нет. Я хотел, чтобы мне помогли творить справедливость. Я ненавижу несправедливость, Олег Николаевич. Мне реально больно, когда я узнаю о ней. Мне кричать хочется.

– Ладно, допустим, – вздохнул Олег. – Вы ответили «да».

– И мне ответил Альбицкий: «Евгений, я очень рад, что Вы остаетесь в наших рядах. На этом этапе отсеивается еще треть кандидатов. Живите обычной жизнью до следующего приказа Лиги. С уважением, Андрей».

– И долго вам дали пожить обычной жизнью?

– Около месяца. Потом была следующая проверка.

– Она была труднее?

– Она была другой. Во время первой проверки я рисковал только собой. Вторая касалась другого.

– А как вы понимали, что приказ от Лиги?

– Очень просто. Все приказы Лиги приходили с одного и того же короткого номера, который мне сообщили заранее, на один и тот же телефон. На этот раз я должен был пойти в определенное место и взять там пакет.

– Камера хранения?

– Лига не любит камер хранения. Там везде видеонаблюдение. Либо весь реквизит я находил у себя дома, либо в менее формальных местах.

– А как они попадали к вам домой?

– У них был ключ. Я сам сделал копию и оставил в определенном месте. Это условие поступления в кандидаты.

– На этот раз было менее формальное место?

– Чердак заброшенного дома. Я поднялся туда по полуразрушенной лестнице, которая страшно скрипела. Было уже темно, около семи вечера. Я нашел пакет под чердачным окном с разбитыми стеклами. Ничем не примечательный пластиковый пакет, как в магазине. И мне было приказано ждать.

– Долго?

– До полуночи. Мне было приказано прислониться к стене рядом с окном и сидеть неподвижно. Пакет пока не открывать. Я не знал, что в нем. Через некоторое время я услышал писк. Чердак кишел мышами. Очень наглыми. Они норовили подбежать ко мне поближе и как минимум, обнюхать.

– Вы боитесь мышей?

– Нет, конечно. Но я знаю, что они могут переносить бешенство. Так что было не очень приятно. Но обошлось. Около двенадцати пришел приказ открыть пакет. Я пошевелился, и мыши разбежались. Все надо было делать вслепую, мне разрешалось только посветить телефоном, когда приходили сообщения.

В пакете было три пакета поменьше. У них была разная фактура, так что я мог различить их наощупь. «В гладком пакете вы найдете резиновые перчатки. Наденьте их», – пришло сообщение. В темноте это было нетривиальной задачей. Я сначала перепутал руки. Потом надел одну перчатку ладонью вверх. Справился, но минут за пять, по-моему. «В том же пакете вы найдете влажные салфетки. Тщательно протрите перчатки», – пришло сообщение.

– Чтобы не осталось следов пота на той вещи, которую вы возьмете этими перчатками, – сказал Олег.

– На винтовке, – спокойно пояснил Евгений. – У нас чище, чем в операционной.

– Охотно верю. Продолжайте.

– Винтовка была в третьем пакете. Сначала мне приказали открыть второй: «В пакете с выпуклым рисунком вы найдете прибор ночного видения, наденьте его». Пакет был с такими выпуклыми пупырышками, в таком полиэтилене хранят бьющиеся вещи, ни с чем не спутаешь. Я надел очки, и проблема темноты тут же исчезла. Все было видно прекрасно. В том числе мышей по углам. Эти твари, естественно никуда не делись. Винтовка была в разобранном виде. Мне приказали собрать ее, согласно инструкции на прикладе. Отлична видна была инструкция, хотя я в ней не особенно нуждался.

– Вы не первый раз держали в руках винтовку?

– Далеко не первый. Я люблю пострелять в тире. Кандидат в мастера спорта. Правда, из короткоствола. Я упомянул это в моем резюме. Думаю, Лига учла. Но, как только меня зачислили в кандидаты, мне запретили посещать тир.

– Почему?

– Лига ничего не объясняет. Более того, считается очень дурным тоном задавать вопросы. А гуглить прямо запрещено.

– Думаю, чтобы вы не засветились.

– Я тоже так думаю. Винтовка была с оптическим прицелом. Эту систему я тоже знал. «Встаньте у окна и держите под прицелом уличный фонарь на высоте около метра от земли. Ждите приказа», – это сообщение показалось несколько смешным, пока я не увидел человека, который подошел к фонарю и встал перед ним. Фонарь, кстати, горел очень тускло, и то и дело норовил погаснуть. Человек стоял и чего-то ждал. Приказа не было.

Я не знаю, сколько прошло времени. Наверное, немного. Но минуты тянулись, как часы. Наконец пришло сообщение: «Тщательно прицельтесь в живот человеку у фонаря и сделайте три выстрела». Я подчинился. Выстрелы прозвучали как три хлопка, и на них наложился крик боли. По-моему, тот человек упал, но я не вполне в этом уверен, потому что пришел новый приказ: «Отвернитесь от окна. Сделайте два шага вправо. Прислонитесь к стене. Сядьте на пол».

– Инструкции стали такими подробными?

– Да. Так всегда после акции. Когда нервничаешь, очень помогает. Инструкции становятся очень подробными и приходят каждую минуту. «Разберите винтовку. Сложите в пакет. Снимите очки. Положите в пакет от очков. Поставьте оба пакета под окно». Я выполнял и слышал стоны человека на улице. Наверное, я его ранил. Потом стоны прекратились. Думаю, он умер или потерял сознание. Или ему стало лучше, если я выстрелил в него противоядием, как в меня во время первой проверки. Очень хотелось в это верить.

Инструкции шли чередой: «Возьмите пустой пакет, в котором лежали остальные пакеты и спускайтесь вниз». Глаза быстро привыкли к темноте, но все равно это было сложно. Пакет я нашел не сразу и по аварийной лестнице спускался еле-еле, держась за деревянные перила рукой в перчатке, и рука норовила соскользнуть. Наконец, внизу: «Снимите перчатки. Положите их в пакет. Возьмите с собой. Выбросите в контейнер, справа от выхода».

– Такие предосторожности, хотя вас элементарно было поймать по билингам с телефона.

– Может быть, но не поймали. Возможно, не ловили.

– Телефон на вас записан?

– Не знаю. Я его получил в обмен на ключи от квартиры. Все приказы Лиги приходили только на него и с одного и того же номера, как я и говорил. Этот телефон я всегда должен был носить с собой.

– Он и сейчас у вас с собой?

– Уже другой. Мне его дважды меняли.

– И вы тогда поехали домой?

– Не сразу. Меня долго водили по ночным переулкам. Шли приказы как от навигатора: «Идите сто метров прямо. Поверните налево. Поверните направо». Я ужасно устал, пока не вышел к метро. Это было незнакомое метро другой линии, где я никогда не был. Светало. Метро только открылось. «Спуститесь в метро и поезжайте домой», – пришло сообщение.

Я вернулся где-то к половине седьмого. Хотел уже было упасть в кровать, но пришел приказ: «В верхнем ящике письменного стола зеленая коробочка. В ней таблетка. Примите ее и ложитесь спать». Я выпил таблетку почти без страха и не раздумывая и завалился спать, хотя не был вполне уверен, проснусь ли утром.

– Наркотик?

– На этот раз вряд ли. Я бы и без него отрубился. И на следующее утро помнил все очень четко. Чувствуете, как я вам рассказываю? Я помню все приказы. Дословно. Утром пришел приказ написать подробный отчет и отправить на определенный электронный адрес. Вот адреса не помню. После отправки отчет надо было уничтожить вместе с адресом.

– У Лиги есть психологическая служба?

– Конечно.

Женя вернулся назад на основную страницу сайта Лиги.

– Вот она центре композиции. Следственный Комитет Лиги. Юридическая Служба Лиги. Суд присяжных Лиги. Оперативный отдел. Психологическая Служба Лиги. Аналитическая Служба Лиги. Финансовый Комитет Лиги. Отряд пропагандистов. Отряд исполнителей. А что?

– Чувствуется рука психолога.

– Не сомневаюсь. На Лигу работают отличные специалисты. Я отправил отчет и мне пришло сообщение: «Ваш отчет получен. Спасибо за отчет». И тогда черт меня дернул сделать то, на чем я схлопотал целых два штрафных балла. Я задал вопрос: «Я убил человека?»

«Вы исполнили приказ Лиги», – пришло сообщение.

А потом я получил письмо от Альбицкого: «Евгений, здравствуйте! Со вторым заданием вы справились хуже, чем с первым, причем, прокололись в самом конце. У вас два штрафных балла. Первый за излишнее любопытство, второй – за недостаток доверия к Лиге. Член отряда исполнителей должен доверять Лиге безгранично иначе ему там делать нечего. Запомните:

«Все, что вы сделали по приказу Лиги, сделано для блага общества, чем бы это ни казалось. Никакой цели, кроме блага общества у Лиги нет». Запомните и повторяйте, как молитву.

Сейчас вы не уверены, совершили ли убийство. Когда вы будете зачислены в отряд, будут случаи, когда вы будете точно это знать. Привыкайте. Это ваша миссия.

Кроме этих двух моментов, все остальное хорошо. Особенно нам понравилось точное следование инструкциям. На всякий случай предупреждаю: любое неисполнение приказа, даже, казалось бы, незначительного (не выпил таблетку, повернул не туда), – это гарантированный вылет из кандидатов, если конечно живы останетесь. За вами пока не водится, но запомните. За меньшие провинности – штрафные баллы. Для вылета достаточно пяти. Вы пока можете остаться в числе кандидатов, если по-прежнему этого хотите. Если нет, просто напишите «Нет» в ответ на это письмо. Альбицкий».

– Вас очень расстроило это письмо?

– Ну, меня распекали, конечно. Причем, лично Альбицкий. Но меня не гнали, и это было здорово. Я ответил тут же: «Спасибо огромное, что позволили мне остаться. Простите. Больше не повторится. Конечно «да»».

– И что Альбицкий?

– Он ответил: «О-кей. Штрафные баллы остаются на вас. Их нельзя снять, просто попросив прощения. Надеюсь, вы сможете реабилитироваться в ходе выполнения следующих заданий. Живите обычной жизнью до следующего приказа Лиги».

– Давайте обедать, – сказал Олег. – Вы исключительно интересный собеседник, но мы с вами с голоду умрем.

Это был семейный обед с участием Марины Юрьевны и Димы. Женя вел себя исключительно скромно и даже застенчиво. О себе не говорил вообще. Видимо, у него не было приказа исповедоваться кому-то, кроме хозяина.

После обеда они вдвоем вернулись в кабинет Олега, и разговор продолжился.

– Итак, – начал Олег. – Когда был следующий приказ Лиги? Опять через месяц?

– Гораздо раньше. Точнее было много мелких приказов. Первый казался почти несерьезным. В ящике стола я нашел набор резиновых медицинских перчаток. Я должен был научиться надевать их наощупь в темноте. В спокойной обстановке это оказалось совсем несложным. Однако я честно потратил на это в общей сложности часов восемь, пока довел навык до абсолютного автоматизма. Отчитался. «Не прекращайте тренировок, – ответили мне. – По пятнадцать минут каждый день. Во время акции ошибка может стоить вам жизни».

– А другие приказы?

– Они были трех типов. Выпить таблетку. Сделать укол в вену. Сдать кровь. Иногда таблетки были совсем безобидными, я ничего после них не чувствовал. Иногда от них клонило в сон. Пару раз они были исключительно противными на вкус, причем их надо было медленно рассасывать.

– А инъекции?

– Подозреваю, что в большинстве случаев это был физраствор. Ну, или с какой-то безобидной примесью, которую можно было обнаружить при анализе, чтобы убедиться, что я исполняю приказы. Как правило, после инъекций я вообще ничего не чувствовал, пару раз закружилась голова, но быстро прошло. Мне кажется, меня просто дрессировали на умение делать себе уколы в вену: быстро, ловко и не раздумывая. Я сейчас могу это вслепую делать, наощупь.

– Преувеличиваете.

– Нисколько. У меня было три таких задания. Ампула в черной бумаге и шприц в ящике. Все в трех экземплярах. Надо запереться в ванной и выключить свет. Вслепую надеть перчатки. Вслепую собрать шприц. Вслепую вскрыть ампулу, заполнить шприц и попасть в вену. В первый раз я пролил половину ампулы и исколол себе руку, в вену попал с третьего раза. Во

второй получилось чуть лучше, но тоже не сразу, и часть препарата утекла на пол. В третий – почти чисто.

– Они заметили ваши неудачи?

– Конечно, по анализу крови: «У вас недодозировка. Пришлите подробный отчет».

– Сколько было штрафных баллов?

– Нисколько. Поблагодарили за честный отчет. Прописали тренировки. Сборка шприца. Ампулы с физраствором и пока без инъекций. Вторую проверку я прошел гораздо лучше. Третью – идеально. Так что это возможно.

– А зачем это нужно? Вам приходилось потом делать себе инъекции вслепую?

– Вслепую нет. Инъекции неоднократно. Это помогает, на самом деле. Могу в больнице работать. Могу моды себе ввести.

– Моды не сможете. Человек слишком хреново себя чувствует от кондактина, чтобы ввести себе моды.

– У меня было такое задание: выпить таблетку, от которой становилось очень хреново, а потом сделать себе инъекцию. Я справился. Поспорим? Я пью кондактин и ввожу себе, ну, например, физраствор тогда, когда скажите.

– У вас нет приказа о введении модов?

– Пока нет.

– Молодой человек, кондактин – слишком опасный препарат, чтобы вводить его по десять раз по поводу и без повода.

– Ну, хорошо. Если мне прикажут ввести моды, тогда пари? Спорим, я смогу сделать все сам?

– А вы штрафных баллов не огребете за самостоятельность?

– Ну, вы же меня не выдадите...

– На что спорим?

– Ну-у... на сто евро.

– Договорились. Только все под моим контролем.

– Хорошо.

– Приходилось еще штрафные баллы зарабатывать?

– О-да! Я нарвался сразу после того, как меня перестали мучить инъекциями. Мне дали примерно недельную передышку. Честно говоря, меня не переставал волновать вопрос, что на самом деле произошло с тем человеком, в которого я стрелял. Это происшествие в новостях не упоминалось. Но это еще не значит, что убийства не было. В огромном городе в сутки совершается несколько убийств. Далеко не все попадают в новости. И я не удержался. Я набрал в поисковике: «убийство, дата, время, место». Название переулка я вычислил по координатам.

Поисковик не выдал ничего интересного. Зато в тот же день мне пришло письмо от Альбицкого: «Евгений! Вы понимаете, что натворили? Поисковик запоминает запросы. Вы не знали, что этого делать нельзя? У вас еще три штрафных балла. Два уже было. Всего пять. Это вылет. Альбицкий».

Я был в отчаянье. Я продержался больше двух месяцев, в меня стреляли, я стрелял, я исколот себе вены и научился вслепую делать инъекции. И все коту под хвост. Но вопросы задавать нельзя. Это еще пара штрафных баллов. Хотя, какая разница? Пять уже есть. Ну, будет семь. И я написал Альбицкому: «Андрей, я очень виноват. Я дурак. Есть ли для меня какой-нибудь способ остаться в рядах кандидатов?» Он ответил: «Способ есть. Имей вы немного терпения, я бы сам вам его предложил. У вас еще один штрафной балл. Всего шесть. Есть способ снять пять. Вы должны понести наказание. Будет очень плохо. Очень! И мы не гарантируем вам жизнь. Если сердце выдержит. Если вы согласны, напишите «да»».

– И вы ответили «да»?

– Конечно. Тут же. Правда «будет очень плохо» – это мягко сказано. Андрею надо было написать: «будет ад». Это адекватнее. Все мои предыдущие мучения ни в какое сравнение не шли с этим.

Приказ пришел ранним утром: «Вы должны выйти в парк. Координаты... Сядьте на скамейку и ждите дальнейших инструкций».

До парка я дошел минут за пятнадцать, он у меня рядом. Сел и стал ждать. Были сумерки перед рассветом. Май. Первые листочки на деревьях, как зеленый туман. Желтые цветы в траве.

Я думал, что, может быть, сегодня умру. Что же они со мной сделают, думал я. И мне представлялось исключительно что-то средневековое: дыба, кнут, железная дева, испанские сапоги. Я ждал, что сейчас из-за кустов выскочат человек пять в масках, и мне прикажут идти с ними в какой-нибудь заброшенный старый сарай. И там будет полный набор этих средневековых пакостей. Я даже не задумывался о том, откуда возьмется сарай в цивилизованном парке.

Это я вам сейчас так весело рассказываю, а тогда мне было ужасно страшно. Потом, когда все было уже позади, мне приказали написать отчет об уроках, которые я извлек из наказания. И кроме очевидного вывода о том, что гуглить что либо, имеющие отношение к Лиге или ее акциям, нельзя ни в коем случае, я написал, что мы сами себя мучаем. Своими средневековыми фантазиями я себе наказание минимум удвоил. Сейчас стараюсь этого не делать. Если я получаю приказ Лиги, я просто исполняю его, не думая о последствиях.

– А если Лига прикажет вам убить меня? – спросил Олег. – Вы исполните приказ?

– Да, безусловно. Но вероятность подобного приказа кажется мне пренебрежимо малой величиной.

– Вы страшный человек.

Он пожал плечами.

– Когда я орудие Лиги – возможно. Когда просто человек – вряд ли.

– Ладно, – вздохнул Олег. – Что было дальше?

Глава 6

– Не оправдались средневековые фантазии?

– Нет, конечно, – улыбнулся Женя. – С тех пор наука ушла далеко вперед. Я просидел в парке часа полтора. Наконец, пришло сообщение: «Возвращайтесь домой. Там уже все готово. Вы еще можете отказаться». «Я не откажусь», – ответил я.

– Женя, почему?

– Лига дает смысл, понимаете? Это многого стоит. Я хочу жить ради чего-то большего, чем просто деньги, вещи, наслаждения.

– Понимаю.

– Я вернулся домой. Позвонил в дверь. Несколько странно звонить в собственную квартиру, но я был уверен, что меня там ждут. На звонки никто не ответил, и я открыл дверь своим ключом. Квартира была пуста. Я просто застыл на пороге. Очнулся от звука сообщения: «Все, что нужно, в верхнем правом ящике стола».

Я закрыл дверь, переоделся. Честно говоря, страшновато было открывать ящик. Там оказалась ампула и шприц. Пришел приказ: «Вы должны сделать себе укол в вену». И тут всякая критичность у меня отключилось, настолько это была привычная операция. Мне даже не было страшно. Я только подумал, как колоть: вслепую или нет. Приказа вслепую не было. Значит, можно так. Я все сделал за несколько секунд, буквально. С первого раза в вену попал, вообще без проблем. Руки не дрожали.

«Вы готовы?» – пришел вопрос. «Да, все уже сделано». «Принесите таз из ванной, – пришло сообщение. – И поставьте рядом с кроватью. Будет рвать».

Я принес таз. Знаете, серенький такой, алюминиевый, я в него грязное белье собирал. «Готовы?» – пришло сообщение. «Да, я все сделал». «Положите телефон на столик рядом с кроватью. Сделайте подушку повыше, так безопаснее. Укройтесь одеялом, так вначале будет немного легче. Принимать какие-либо препараты до особого разрешения Лиги строго запрещено. Удачи».

Это циничное «удачи» словно что-то переключило у меня в мозгу. Я все исполнил в точности. Вплоть до одеяла, которым надо укрыться. Только тогда до меня дошло, что все, сейчас начнется. Эта гадость уже во мне, и я ничего не могу с этим сделать. Я уговаривал себя, что надо будет только немного потерпеть. Но я не знал ни что придется вытерпеть, ни сколько времени это продлится.

Еще с полчаса я чувствовал себя вполне хорошо. Я даже начал успокаиваться и подумал, что это очередная проверка, и, ничего страшного не будет. И тут у меня начали холодеть пальцы рук и ног. И я понял: вот оно. Холод медленно поднимался вверх, но это была только прелюдия. За холодом шла боль, также, от кончиков пальцев. Вначале мышечная, но очень сильная, словно и руки, и ноги мне сдавливали те самые испанские сапоги. Я застонал. Потом начало крутить суставы. Я задышал чаще, подушка тут же пропиталась потом.

У меня часы висят над кроватью, прямо напротив меня, в ногах. Я на них смотрел, чтобы хоть как-то отвлечься. Когда я ввел препарат, было около семи утра. Боли начались в половине восьмого. И продолжались больше двадцати часов. Без перерыва. Это был ад. Преисподняя.

После полудня меня начало мутить. Появился противный привкус во рту. При этом боль никуда не делась. Я сначала сглатывал слюну, чтобы меня не стошнило. Потом решил: пусть лучше вырвет. Вырвало где-то около трех. Тазик очень помог. Я бы не дополз до туалета.

После этого чуть полегчало. Боль осталась, но хоть мутить стало меньше. Зато резко захотелось в туалет, причем по-всякому. Очень не хотелось ходить под себя, и я решил: «Ничего, доползу». Я спустил ноги на пол и... Вы когда-нибудь ходили босиком по раскаленному на солнце камню?

– Приходилось.

– Это конечно не передает полного впечатления. У болгар есть такое искусство – нести-нарство – танцы на раскаленных углях. Это ближе. Особенно, если представить, что вместо углей раскаленные наточенные клинки. Я попытался встать на ноги и тут же рухнул обратно. С трудом переполз по кровати в ноги, к стене. Оперся о нее рукой. И рука среагировала также. Словно стена была из раскаленных клинков. Я смог встать, опираясь на стену рукой. Боль была невообразимой. Думал: только не упасть. Если не удержусь на ногах – точно не смогу встать.

У меня там метра четыре до туалета, квартирка малюсенькая, но это был самый трудный путь в моей жизни. Я его не прошел. Не дошел метр. Упал уже в туалете, рядом с унитазом. Меня тут же пронесло и почти сразу вырвало. Я не мог приподняться даже на локте и упал в это все. И несколько часов пролежал в грязи и вони.

Наконец, боль чуть-чуть отпустила. Не прошла, нет! Но я смог подняться с пола и содрать с себя вонючую майку и трусы. С трудом добрался до кухни и сложил все это в пакет, чтобы утром вынести на помойку. Я не обратил внимания на часы, но за окнами было темно. Вымыл пол в туалете душем. У меня там слив. Душевая кабина и унитаз – все в одной комнатке. Залез в душ сам. Долго отдраивался мочалкой и отмывался шампунем. Боль стала терпимой. Я мечтал добраться до кровати и лечь, но стоять мог.

Выходя из душа, увидел себя в зеркале: землистый цвет лица, огромные круги под глазами, в гробу самое место. Вышел в комнату и увидел тот самый вонючий тазик, полный рвоты. Я его вылил в унитаз и даже смог помыть.

Доковылял до кровати. Лег, наконец. На часах было пять утра. Следующего дня, естественно. Я промучился почти сутки. Прикрыл глаза. Понадеялся, что усну. Но тут пришло сообщение: «Вы должны взять кровь у себя из вены. Все, что нужно – в нижнем ящике стола».

В нижнем ящике был контейнер и шприц. Эта операция тоже была доведена до автоматизма, так что оказалась не очень сложной, несмотря на боль. Больше всего я боялся, что меня пошлют куда-нибудь относить контейнер с кровью. Но Лига сжалилась: «Поставьте контейнер в холодильник. Закройте дверь в свою комнату и ложитесь спать». Я отрубился сразу, несмотря на боль.

– Женья, у вас не возникло ненависти к вашим мучителям?

– Мучителям? Это к кому? Меня не связывали, не держали за ноги и за руки. Я сам ввел препарат. И меня предупредили, что после этого жизнь медом не покажется.

– Но они вас приговорили.

– Я был виноват. И у меня была возможность избежать последствий. Я сам напросился. Не было никакой ненависти, Олег Николаевич. Было совсем другое чувство. Преодоления себя. Торжества над собой. Я научился ходить по углям.

Я проспал до полудня. Боль ушла, но слабость была жуткая, я по-прежнему ходил по стеночке. Первое, что мне надо было сделать – это написать отчет о последних сутках. Написал. Выслал им. Потом мне разрешили есть и пить. Я пошел завтракать на кухню. Контейнера с кровью в холодильнике не было.

Вечером пришло письмо от Альбицкого: «Женья, у вас очень хороший анализ крови. Вы ввели себе полную дозу. И не пили никаких обезболивающих. Многие сыплются на этом этапе. Пять штрафных баллов с вас снято. Если вы хотите остаться кандидатом в отряд исполнителей – оставайтесь. Учтите, что это может быть не последнее такое наказание».

Препарат, который вы себе ввели, называется «нейрос-д». Его широко применяют на Западе в тюрьмах для террористов. Официально он запрещен, так что правозащитники стоят на ушах. У нас, думаю, тоже применяют, против правозащитников – так что тишь да гладь. Если вас все-таки заметут и будут грозить применением «нейрос-д» – вы уже знаете, что это такое. Очень полезное знание для исполнителя, как бы цинично это ни звучало. Остаетесь?»

«Да, конечно», – ответил я. Мне хотелось вернуть что-то вроде: «А вам не надоело спрашивать?», но я сдержался.

«Больше не грешите», – закончил Альбицкий.

– Вам хоть дали прийти в себя после нейроса?

– Вам известен этот препарат?

– Естественно. В Психологическом Центре его не применяют, конечно, но я помню несколько пациентов со следами применения. СБ развлекается. Мы возмущались каждый раз, но ни разу делу не дали хода.

– Многие после него выживают?

– Мне неизвестны случаи, чтобы кто-то умер. У СБ хватает ума не применять его к людям старше шестидесяти. Действие у него ужасное, конечно, но для здорового молодого человека он практически не опасен. У Лиги были какие-то сведения о вашем здоровье?

– Еще бы! Обходил всех врачей еще в самом начале, перед зачислением в кандидаты. Мне кажется, меня не планировали убить.

Передышку мне дали. Дней на десять. Потом пришло письмо от Андрея: «Евгений, мы обсудили Вашу кандидатуру и сочли возможным зачислить вас в отряд исполнителей с испытательным сроком три месяца. Вы еще не станете полноправным членом отряда, но ваш статус и ваши права изменятся.

Прежде всего, вы должны произнести Клятву Отречения. Текст в приложении. Просто наговорите ее на диктофон и вышлите запись нам. До этого момента вы можете задавать любые вопросы, и это не будет нарушением. И это последний раз, когда мы спрашиваем у вас согласия на что-либо. После отречения от своей воли, никто вам больше не задаст подобных вопросов. Вы передадите Лиге право на решение всех важных вопросов вашей жизни.

Это монашеский обет, пожалуй, даже серьезнее. Если вы провинитесь, вас накажут без вашего согласия, могут даже не предупредить. Хорошо подумайте, все взвесьте и внимательно прочитайте клятву прежде, чем согласиться. Это не пустые слова. Клятву легче произнести, чем нарушить. Андрей».

Клятва была не очень длинной: «Здесь и сейчас (число, месяц, год, город) я (имя, фамилия) отрекаюсь от своей воли в пользу Лиги Свободы и Справедливости. Я верю Лиге мою жизнь и свободу. Я передаю Лиге право на принятие решений. Я обязуюсь не заводить и не разрывать никаких связей (в том числе интимных) без разрешения Лиги. Я обязуюсь не менять место жительства, номер телефона, аккаунты в интернете без разрешения Лиги. Я обязуюсь не разглашать никакие сведения о Лиге и о моей принадлежности к ней без разрешения Лиги».

Я задал Андрею только один вопрос: «А если я захочу переехать, завести или удалить аккаунт, пригласить девушку, я могу спросить разрешения Лиги?»

«Вы будете обязаны это сделать. Без всяких штрафных баллов. Насчет девушки не особенно надейтесь. Большинство активно работающих исполнителей не имеют постоянных сексуальных партнеров. Кстати, после произнесения клятвы все штрафные баллы снимаются. У вас один оставался. Все. Чистый лист».

Я несколько раз репетировал, прежде чем произнести клятву. И дважды переписывал. Наконец, результат меня удовлетворил, и я послал его Альбицкому.

Ответ пришел быстро: «Евгений, поздравляю! Вы зачислены в отряд исполнителей. Изучите наш список и отберите из него пять-семь человек, приговоренных к смерти, с приговорами которых вы совершенно согласны. Не Гуглите! Смотрите только на нашем сайте. Там достаточно информации. Как только вы вышлите нам ваш персональный список, мы предоставим вам дополнительную информацию. Выучите их имена и обвинения, запомните внешность. Вы должны знать их в лицо. На выполнение задания – неделя. Альбицкий».

Через неделю я отобрал семерых отъявленных негодяев и послал список Альбицкому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.